

КЛИМ РУДНЕВ

АНАЛИЗ ПОКАЗАНИЙ

ПОИСК ПРОТИВОРЕЧИЙ

СЛЕДЫ ИСТИНЫ

ВЕРОЯТНОСТЬ ЛЖИ

23%

УЛИКА ОБНАРУЖЕНА

МЕЧЕНЫЙ СЫСКАРЬ ИМПЕРИИ

18+

ОРДЕН ОРАКУЛОВ

Клим Руднев

**Меченый сыскарь Империи.
Книга 1. Орден Оракулов**

«Автор»

2026

Руднев К.

Меченый сыскарь Империи. Книга 1. Орден Оракулов /
К. Руднев — «Автор», 2026

Последнее, что я помню: допросная, боль в груди и недопитый кофе. Теперь я кто? Меченый?! Кирилл Лозовой - молодой инженер в мире альтернативной Российской Империи. На лбу у меня горит Печать Вины, в деле написано: убийца, вор, государственный преступник. Петля уже ждет. Мой козырь - опыт прошлой жизни и странный дар "Следы истины": я вижу ложь, противоречия и следы преступлений там, где остальные видят только красивые бумаги с печатями. Ну и ворчливый дед-сокамерник Феофан, который знает о тюрьме, каторге и человеческой подлости больше любого справочника. Оракулы уверены, что я виновен. Система считает меня расходным материалом. Настоящий убийца думает, что ему все сошло с рук. Зря. От автора: #Герой в нашем мире был принципиальным до идиотизма следователем: верил в закон, лез против начальства и отказывался закрыть глаза на убийцу, которого велели отпустить. Он циничен, упрям, порой язвит, не верит красивым словам, а только фактам. Может быть жестким, но не продажным.

© Руднев К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последняя смена	5
Глава 2. Каменный гость	13
Глава 3. Следы истины	20
Глава 4. Остров отверженных	27
Глава 5. Ночь и день	35
Глава 6. Взгляд в прошлое	43
Глава 7. Память крови	54
Гл	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Меченый сыскарь Империи.

Книга 1. Орден Оракулов

Глава 1. Последняя смена

Дождь барабанил по подоконнику с такой силой, будто хотел пробить стекло насквозь и добраться до меня. Я сидел в кабинете, откинувшись на скрипучем стуле, и тупо смотрел на папку, которая лежала передо мной уже третий час. Дело о краже. Пустяковое. Никакой тебе романтики, никаких маньяков и серийных убийц. Только серая бумага, расплывающиеся чернила, запах дешевого кофе, который давно остыл, и ощущение, что жизнь сочится из меня, как вода из дырявого ведра.

Два года я уже здесь. Два долбанных года в этом городишке, где самым громким преступлением считается драка в очереди за пивом. Хорошо еще, что не уволили. А я, дурак, верил в торжество закона, в справедливость. Верил так, как верят в Бога — истово, без оглядки. Вот теперь сижу и разгребаю бумажки в этой дыре. В кабинете, пропахшем клопами, с выцветшими пожелтевшими обоями, на которых проступали разводы сырости, похожие на карту несуществующих материков.

Я смотрел на свое отражение в оконном стекле — сорок три года, мешки под глазами, седины на висках, глубокие складки у рта, которых еще три года назад не было — и думал: «Вот она, вершина карьеры. Ловить алкашей, сперших ящик водки из ларька». В Москве хоть было чувство, что я что-то значу. Что мои слова, мои решения — не просто шелест бумаги в архивном шкафу, а нечто весомое. Там я просыпался с мыслью, что могу изменить мир хотя бы одним спасенным человеком. В этом захолустье я просыпался с одной-единственной мыслью, что кофе опять подорожал.

Петров, мой сосед по кабинету, заглянул через перегородку. Его лицо лоснилось от пота, а глаза были красными — верный признак того, что он снова не спал ночью. От него пахло перегаром и какой-то застарелой тоской, которая въелась и в его одежду, и в самую его суть.

— Волков, — начал он мягко, как человек, который давно привык просить. — Одолжи до зарплаты. Тысячи полторы, а?

Я покачал головой. Смотреть на него было физически тяжело. Каждое слово Петрова отдавало чем-то липким, унижительным. Не его вина — жизнь такая, но легче от этого не становилось.

— Колян, ты знаешь мое положение. Алименты сожрали весь аванс.

— Алименты... — скривился он, будто я говорил о чем-то неприличном, о грязном белье, которое вывесили на всеобщее обозрение. — Ты бы лучше, чем кроссворды разгадывать, подумал, как с бывшей договориться.

Я промолчал и уткнулся в открытый кроссворд. Я делал вид, что не могу разгадать два слова уже полчаса — «пернатый хищник, пять букв» и «столица европейского государства, семь букв». Первое было «ястреб», второе — «Берлин». Но пусть думает, что я тупой. Это было проще, чем объяснять, почему я ушел из Московского управления по особо важным делам. Вернее, не ушел — меня оттуда вышвырнули, выплюнули, как кость, которой подавились.

Было, что объяснять. Было, что вспоминать. Но Петрову знать об этом не стоило. Он бы не понял. Посмотрел бы на меня своими заплывшими глазками и сказал: «Ну, дурак, Волков. Надо было молчать в тряпочку». Может, он был бы и прав. Но молчать я не умел. Это мой врожденный дефект, моя программа, вшитая в подкорку еще в детстве, когда отец, тоже опер, говорил мне: «Справедливость — это работа, Андрей. Если ты ее не делаешь, ты не мужик».

Когда видишь, как начальник отдела, полковник Горелов, пытается прикрыть убийцу, потому что тот — сын его старого друга... Когда держишь в руках неопровержимые доказательства — отпечатки пальцев на горле жертвы, нашел свидетеля, который опознал подозреваемого по татуировке на запястье, изучил биллинг, подтверждающий его нахождение на месте преступления, — а тебе говорят: «Слушай, Андрюха, а может, ты ошибаешься? Он же не хотел. Не порти жизнь хорошему человеку». Это стоило запомнить. Я помнил. Каждую чертову секунду.

Я закрыл кроссворд. Настроение испортилось окончательно. Вместо клеток перед глазами стоял кабинет Горелова с тяжелыми дубовыми панелями и запахом дорогого табака. «Волков, — говорил он, стряхивая пепел в хрустальную пепельницу, — я понимаю твоё рвение. Но ты посмотри на это с другой стороны. У парня вся жизнь впереди. А баба эта — шалава, гуляла от него, сама напросилась. Суд войдет в положение, дадут условку. Хватить уже давить на него. Он все осознал».

Я смотрел на него и чувствовал, как внутри меня закипает черная, ледяная злоба. За его спиной, на стене, висела икона — святой Григорий, пронзающий змея. И я помню, как подумал тогда: «Интересно, он молится этому святому? Или просто повесил для антуража, как вешают дипломы?»

— Нет, — сказал я тогда, и голос мой был спокойным, слишком спокойным для того, что я чувствовал. — Я просто делаю свою работу. Что и вам бы следовало...

Горелов побагровел. Пепельница полетела в стену, разбилась, хрустальные осколки брызнули по ковру.

— Пошел вон! — заорал он. — Ты не понимаешь, с кем связался! Ты труп, Волков!

Через месяц меня перевели в этот городишко. Формально — «по семейным обстоятельствам», поближе к обедневшей матери и бывшей жене, которая уже тогда готовила документы на развод. Я проиграл. Но я не сломался. По крайней мере, так я себе говорил.

Петров не унимался. Он еще что-то бубнил про свою жизнь, про больную жену, про то, что я «козел» и «нелюдимый», но я его уже не слушал. Я смотрел, как дождевые капли стекают по стеклу, и вспоминал другое время. Время, когда я был нужен. Когда моя работа имела смысл.

Я вспомнил дело Дроздова — маньяка, который держал в страхе весь Юго-Западный округ. Три трупа, все женщины, все задушены одним и тем же способом. Мы работали без сна почти месяц. Я помню ночи в участке, когда мы с напарником, Лехой Звонаревым, заваривали пятую кружку кофе и раскладывали на столе фотографии, пытались найти закономерность. Леха — парень вечно потный, зато с чувством юмора, которое не отшибла даже самая мрачная работа. «Смотри, Андрюх, — говорил он, тыкая пальцем в карту, — он выбирает брюнеток. Может, у него мама была брюнеткой? Или первая любовь?» Мы смеялись тогда, хотя было совсем не смешно, просто так легче было справиться с ситуацией. Смеялись, хотя вокруг были смерть и ужас. Это был смех людей, которые знают, что делают что-то важное.

Когда мы его взяли — а взяли мы его в подъезде, когда он уже выслеживал четвертую жертву, — я помню чувство чистого, незамутненного триумфа. Дроздов сидел в наручниках на полу грязной парадной, а я стоял над ним и понимал, что наконец-то все позади. Это было лучшее чувство в моей жизни. Лучше, чем секс, лучше, чем выпивка, лучше, чем что угодно. Чувство, что ты — страж. Что ты стоишь между беззащитными людьми и тьмой.

А потом было дело о заговоре в порту. Контрабанда оружия, крышевали таможенники, замешаны были люди из администрации. Мы с Лехой копали два месяца, собирали факты, вербовали информаторов. Я помню встречу с агентом «Гроном» на заброшенном складе — он передал мне флешку с записями разговоров, и руки у него дрожали. «У меня двое детей, — сказал он. — Если меня найдут...» Я обещал защиту. И я защитил. Мы накрыли всю цепочку от грузчиков до замначальника порта. Об этой операции писали в газетах. Меня представили

к награде. Леха получил повышение. Мы сидели в баре, пили водку, и Леха сказал: «Андрюх, мы с тобой — сила. Мы все можем». Я верил ему. И был счастлив.

Где сейчас Леха? Я вытер его из телефонной книги год назад, когда понял, что он не отвечает на звонки. После моего перевода он стал осторожным. Сказал: «Извини, Андрей, но у меня семья. Я не могу светиться рядом с тобой». Я его не винил. Система перемалывает всех, кто идет против течения. Леха решил плыть по течению. Это был разумный выбор. Единственный разумный выбор.

Были и другие дела. Убийства, ограбления, изнасилования. Каждое раскрытое дело было маленькой победой. Каждое нераскрытое — занозой, которая сидела во мне годами. Я до сих пор помню лицо старухи, которую забили до смерти ради пенсии в три тысячи рублей, и я так и не нашел убийцу. Помню мальчика, пропавшего по дороге в школу, — его тело нашли через полгода в лесополосе, а виновный все еще гуляет на свободе. Эти призраки ходили за мной по пятам. Они были моей совестью, моим проклятием и моим топливом в минуту отчаяния.

А потом случилось дело Смирнова. Подросток, которого забили до смерти возле школы. Да, парнишка торговал наркотиками, но убийца — сын депутата — был «случайно» отпущен за отсутствием состава преступления. Горелов тогда вызвал меня и сказал: «Ты не понял, Волков. Дело закрыто». Я ответил: «Дело не закрыто. Оно замято. Чувствуешь разницу?» Он меня чуть не уволил. Но я держался. Я собрал всю доказательную базу заново, тайком, работая по ночам, копируя файлы на личную флешку. Через месяц меня перевели в патруль — в наказание, чтобы я знал свое место. Я стоял на улице, на морозе, и смотрел, как сын депутата выходит из здания суда с адвокатом, улыбаясь. У него была дорогая дубленка и новенький айфон. У меня внутри все горело. Я сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Но делать было нечего. Система — это бетонная стена. А я — всего лишь муха, которая бьется о нее, надеясь разбить.

А потом ушла жена. Лена. Мы прожили вместе двенадцать лет, и последние три из них были адом — не из-за скандалов, а из-за тишины. Той особенной, гнетущей тишины, которая наступает, когда двум людям больше нечего сказать друг другу. Она сидела на кухне, пила чай и смотрела в телефон, а я сидел в комнате и читал материалы дела. Мы были как два корабля, которые когда-то швартовались в одной гавани, а потом разошлись в разные стороны, даже не заметив этого.

Лена говорила, что я люблю работу больше, чем ее. И она была права. Только я понял это слишком поздно. Я думал, что спасти мир важнее, чем быть с семьей. Я думал, она поймет. А она не поняла. И когда я пришел к ней, разжалованный и униженный, она просто сказала: «Я устала. Я хочу развестись». Я даже злобы ее не заслужил, только усталость. И это было страшнее всего.

Я помню тот день до мельчайших подробностей. Солнечная суббота, редкость для ноября. Мы сидели на кухне, и она сказала это, глядя в чашку с чаем. Я даже не спорил. Заведомо знал, что проиграл этот бой. Через месяц она собрала вещи и уехала к матери. Забрала дочь. Алису.

Алиса. Ей сейчас двенадцать. Последний раз я видел ее полгода назад, на дне рождения. Она смотрела на меня через стол — чужими глазами. Ей было неловко, что ее отец — обычный мент, а не крутой бизнесмен, как у одноклассников. Я подарил ей книгу — «Приключения Шерлока Холмса», в надежде, что она заинтересуется, поймет, чем я живу. Она поблагодарила, но я видел, что книга ей не понравилась. Она мечтала о новом айфоне.

Я не виню ее. Я стал для нее чужим человеком. Когда-то читал ей сказки на ночь, возил на санках, учил кататься на велосипеде. Все это ушло, растворилось, как утренний туман. Иногда по ночам, лежа в своей холостяцкой квартире с обоями в цветочек, я думал о том, каким отцом я был. Я ведь почти не бывал дома. Все праздники, все выходные — работа. Я оправдывал себя тем, что ловлю убийц, что я нужен обществу. Но обществу плевать на меня. А дочери — нет. Вернее, ей было не плевать, но это уже моя вина.

Я пытался наладить контакт. Звонил, писал сообщения. Алиса отвечала односложно: «да», «нет», «норм». Лена сказала: «Оставь ее в покое. Она сама к тебе придет, когда будет готова». Но я знал, что этого не случится. Я упустил момент. Отцовство — это не биологический факт, это работа. А я провалил эту работу, как провалил все остальное.

— Слышал, у тебя сегодня допрос? Того самого Соколова? — Голос Петрова вырвал меня из воспоминаний. Он цокнул языком. — Удачи. Говорят, он уже четыре раза сидел — не колетса. Шило, а не парень.

Я встал, одернул мятый пиджак. В зеркале на стене мелькнуло мое лицо — серое, уставшее, с красными прожилками на белках. Лицо человека, который проиграл все, что можно было.

— Шило мылом не замылишь, — бросил я, выходя в коридор. — Посижу, поговорю.

Петров хмыкнул что-то неразборчивое, но я уже не слушал. Ноги сами несли меня к допросной.

Соколов — шуплый парень лет двадцати пяти, с бегающими глазами и привычкой нервно теревить край рубашки — сидел на стуле в допросной, выстукивая дробь пальцами по столу: тук-тук-тук, тук-тук-тук. Этот ритм въедался в мозг. Я зашел и молча сел напротив. Никакой прелюдии, никакого «как дела». Только взгляд.

Он старался не смотреть на меня. Это был плохой знак — для него.

— Сергей Викторович, — начал я спокойно, открывая папку. — Вы знаете, зачем вы здесь.

— Ничего я не знаю, — пробурчал он, глядя в стену. — Мусора, вы все такие...

Он повторял эту мантру, но я видел, как дрожит его кадык. Как пульсирует жилка на виске. Он знал. Он просто проверял, насколько я туп или зол.

Я пропустил оскорбление мимо ушей. В Москве я наслушался и не такого. Там, когда я брал показания у «ночных волков», мне в лицо плевали и говорили: «Ты труп, мусор».

— Вчера в шестом часу вечера из магазина «Продукты» пропал ящик спиртного на сумму пять тысяч рублей. Продавец описала вас. Приметы совпадают.

— Я был дома, — отрезал Соколов. — Мать подтвердит.

— Мать у вас пьет, — ровно заметил я, глядя в его бегающие зрачки. — В день кражи она была в запое. Алиби слабое.

Он дернул левым глазом. Веко задрожало мелкой дробью. Я знал этот признак — ложь, прикрытая страхом.

— Я... я читал книжку. Все вечер просидел.

— Какую книжку? — Я намеренно сбил темп, делая вид, что записываю в блокнот. Ручка скользила по бумаге. Я смотрел ему в лицо, но думал о другом. О том, как этот городок высасывает из меня силы. О том, как каждое утро я просыпаюсь с мыслью: «Зачем?».

— Ну... — замялся он. — Детектив. Не помню название.

— Автор?

Он молчал. Глаз дернулся снова. Ложь. Чистая, прозрачная, как слеза ребенка.

— Хорошо. — Я встал, подошел к столу и резко переставил стул Соколова так, чтобы он сидел спиной к открытой двери. — Давайте по-другому.

— Ты чего? — занервничал он, дернулся, но я положил руку ему на плечо. — Ты творишь, мент?

— Сядьте ровно. Дышите. — Я говорил так же, как и сотни раз до. Монотонно, без души, но с нажимом. — Расскажите мне, что вы делали вчера с четырех до семи вечера, в деталях.

Он начал тараторить: проснулся, поел, вышел на балкон покурить, зашел к соседу... Я слушал, не перебивая, и постепенно картина складывалась. Через пять минут он запутался в показаниях. Сначала сказал, что был на балконе в пять, потом — в полшестого. Потом забыл, во сколько пришла соседка.

Я слушал его, а видел другую комнату, другой допрос. Дело Смирнова.

Соколов замолчал. Я стряхнул воспоминание, вернулся в серую допросную.

— Стоп. — Я поднял руку. — В пять вы были на балконе. В полшестого — тоже на балконе. Вы же курильщик со стажем — неужели вам хватило одной сигареты на полчаса?

Он побледнел. Глаз дергался уже не переставая.

— Я... я мог взять вторую.

— На балконе, на котором, по вашим словам, «курево кончилось»? — Я скрестил руки на груди. — Сергей Викторович, вы врете. И врете плохо.

Он сломался. Уронил голову на стол, глухо выдохнул:

— Я взял ящик. Ну, взял. И что? У них страховка, они все равно получают свое... — Он поднял глаза, мокрые от слез. — Слушай, мужик, у меня мать больная, а я без работы. Мне надо было...

Я закрыл папку. Признание было получено. Чисто, технично, почти без усилий. В голове щелкнуло — дело закрыто. Бездушный механизм. Я записал показания, прочитал их ему, дал подписать. Соколов всхлипывал, вытирая нос рукавом. Мне было его жаль? Нет. Жалость — это роскошь, которую я не мог себе позволить. Я видел слишком много таких «несчастных», которые ради «матери» готовы были убить.

Я встал, чтобы выйти и вызвать конвой, когда почувствовал боль.

Резкая, обжигающая, она ударила в левую сторону груди, скручивая грудную клетку в стальной обруч. Я успел схватиться за край стола. Краска посыпалась с дерева.

— Мужик, ты чего? — Соколов выпрямился, выпучив глаза. — Врача! Врача!

Я слышал его голос, приглушенный, будто из-под толщи воды. В глазах темнело. Все плыло — серая стена, тусклая лампа, лицо Соколова, искаженное испугом. Последнее, что я увидел — папка с делом, упавшая в лужу пролитого кофе, который я так и не допил. Красная картонка, размокающая на глазах. Бумаги расплывались.

Я подумал о том, что надо бы закрыть докладную. Оформить все, пока не забыл. Потом — что алименты за этот месяц опять вгонят меня в долги. И что кроссворд остался незаконченным.

Удивительно, но в последнюю секунду я не вспомнил ни о дочери, ни о бывшей жене. Только о мокрой папке и недопитом кофе. И еще — о Горелове. О том, как он смотрел на меня с презрением, когда я выходил из его кабинета в день увольнения.

Тьма была вязкой, как кисель. Я плыл в ней без времени, без ощущений. Шепот. Сначала тихий, потом все громче. «Я не убивал... Я не убивал... Я не убивал...» Слова падали на меня, как капли воды на барабанную перепонку. Они впитывались в кожу, в мозг, в самую суть.

Огонь.

Нет, не огонь — свет. Масляная лампа, раскачивающаяся на цепи, отбрасывала на каменные стены пляшущие тени. Я лежал на спине, и каждый вдох отдавался в висках пульсирующей болью. Тело было чужим, тяжелым, будто налитым свинцом.

Резкий запах сырости и угля ударил в нос. Я никогда не ощущал ничего подобного. К горлу подкатила тошнота. В голове шумело, как после долгой пьянки.

Где я?

Я попытался сесть и понял, что лежу на гнилых досках. Руки и ноги были свободны, но одежда — явно не моя. На мне было что-то грубое, колючее, пахнущее потом и дегтем. Роба? Брезент? В ноздри бил запах немытого тела — не моего. В висках зазвучал чужой голос. Шепот, навязчивый, как зубная боль:

— Я не убивал... я не убивал... я не убивал...

Я зажал уши ладонями. Голос не исчез. Он звучал внутри, в самой глубине черепа. Повторялся, как заевшая пластинка. Был чужим — и одновременно моим.

— Заткнись, — прохрипел я вслух. Голос затих. Но ощущение осталось: в моей голове кто-то есть. Чья-то память, чьи-то мысли, чьи-то страхи пульсировали где-то на границе сознания, как второй пульс, как эхо чужой жизни.

Я медленно, опираясь на локоть, приподнялся. Камера. Настоящий каземат. Каменные стены, низкий потолок, в углу — ведро, в другом — кучка соломы. Дверь — массивная, обитая полосами ржавого железа. В ней было маленькое зарешеченное окошко, за которым угадывался тусклый свет масляных ламп.

Все плыло перед глазами. Я попробовал встать, но ноги подкосились, и я рухнул на колени, больно ударившись о каменный пол. Воздух со свистом вышел из легких. Ладонь уперлась во что-то мокрое — я посмотрел вниз. Лужа. Мутная, темная вода на сером камне.

Я наклонился, чтобы ополоснуть лицо, и увидел отражение.

Это был не я. Из лужи на меня смотрел чужой человек. Черные, давно не стриженные волосы падали на бледное, обросшее щетиной лицо. Впалые щеки, темные круги под глазами, испуганный взгляд. Это был взгляд загнанного зверя. Человека, который знает, что его скоро убьют.

Он был молод, вряд ли четвертый десяток разменял. Это я, что ли? В смысле, я ведь сейчас смотрю на свое отражение.

— Что за бред? — Я коснулся воды и отражение пропало. — Я ведь — это я, только тело не мое. Да и обстановочка — точно не домашняя. Наше отделение, конечно, та еще дыра, но то дыра привычная, знакомая. А здесь... Черт, да здесь вроде даже воздух другой. И тело это...

Я поднялся на ноги.

— Ни тебе одышки, ни изжоги... — Я прошелся по камере.

Сперва шагал неуверенно, затем, привыкнув, быстрее... Черт, да я бы даже пробежался, наверное. Нет, все точно — тело принадлежало мне. Тело — да, но вот разум. Я чувствовал странное присутствие в голове — не голоса, какие слышат сумасшедшие, нет, то было чье-то едва различимое присутствие, словно кто-то смотрел из-за моего плеча.

Я снова повернулся к отражению. На лбу горело синее пятно. Круглая метка, размером с пятак, светилась ровно, словно раскаленное клеймо. Я потер ее пальцем — ничего. Она не стиралась. Я попытался стереть ее ногтем, до крови оцарапав кожу — свечение стало только ярче, и в голове взорвалась боль, острая, как нож, пронзив глазное яблоко.

Голос снова зазвучал, на этот раз громче:

— Я не убивал... Я не убивал... Я не убивал!

Я закричал. Или попытался — из горла вырвался только глухой хрип. Я отполз от лужи, вжался спиной в холодную стену, глядя на свое отражение. Синяя метка продолжала гореть, как маяк.

Что это за место? Почему я здесь? Где мое тело? Кто этот человек в луже? И этот голос... «Я не убивал...» Кого? За что?

Перед глазами вспыхнуло странное свечение — не в камере, а прямо передо мной, на сетчатке, будто кто-то вставил текст прямо в мои зрительные нервы. Буквы горели зеленым, как старые мониторы. Они были прозрачными, но я их видел отчетливо, даже когда закрывал глаза.

Я моргнул. Строки остались.

[ПРОТОКОЛ — инициализация]

Носитель определен.

Носитель: Кирилл («Меченый»), 28 лет

Статус: осужденный / клейменный

Печать Вины: активна

Срок: 8 лет 4 месяца

ХАРАКТЕРИСТИКИ:

- Резерв наблюдения: 33 / 100
 - Восприятие лжи: пассивно
-
-

НАВЫКИ:

- ▶ Анализ показаний [ур. 1 / 10]
 - ▶ Поиск противоречий [ур. 1 / 10]
 - ▶ Реконструкция событий [ур. 1 / 10]
-
-

ЗАБЛОКИРОВАНО [требуется развитие]:

- Чтение магических следов [ур. 3]
 - Идентификация почерка [ур. 5]
 - Противодействие Оракулу [ур. 7]
 - Аудит памяти [ур. 9]
 - [?] [??]
-
-

АКТИВНЫХ ЗАДАНИЙ: 0

ПРИМЕЧАНИЕ:

Воспоминания носителя содержат
17 внутренних противоречий.
Носитель невиновен.
Это опасное знание.

Я смотрел на эти строки, чувствуя, как лоб покрывается холодным потом. Сердце коло-
тилось где-то в горле. Что это? Галлюцинация? Бред умирающего мозга? Может, я все еще
лежу на полу допросной, и это предсмертный кошмар?

Я моргнул снова — текст исчез. Остался только звон в ушах и запах сырости. И это
ощущение чужой памяти, боли, невиновности.

— Невиновен, — прошептал я вслух. Слово отдалось эхом от каменных стен. — Неви-
новен...

— Ага, все вы тут невиновные, — раздался грубый голос снаружи.

Я дернулся. В окошке двери показалось лицо — широкое, красное, с пышными усами
и глазами, полными брезгливости. Стражник. На нем была странная форма: шинель, кивер,
но на поясе — стальной баллон, от которого шла трубка к небольшой маске на поясе. Что за
чертовщина? Какой это век? Средневековье? Или... другой мир?

— Протри рожу, меченый, — сплюнул он в мою сторону. Плевков пролетел сквозь
решетку и ударился о стену рядом со мной. — Скоро кормить будут. Радуйся, что вообще
жрать дают, убивец.

Он хохотнул и исчез. Шаги затихли где-то в глубине коридора.

Я остался один. В каменном коробе, с синим пятном на лбу. С чужим голосом в голове.
Со странными строчками перед глазами, которые говорили о каком-то «Кирилле» и о том, что
я... то есть он, невиновен. И что это «опасное знание». Какое знание? Для кого опасное?

Меня затрясло. Я попытался встать, но ноги подкосились, и я рухнул на доски, ударив-
шись затылком о камень. Воздух выбило из легких. В глазах потемнело.

— Я не убивал... — прошептал я, проваливаясь в забытие. Слова смешались с голосом
в голове, и я уже не понимал, кто говорит: я или тот, другой. Кирилл. Меченый. Мужчина, чье
лицо я видел в луже.

Пока не отрубился, все слышал тот голос — навязчивый шепот, только теперь он звучал с отчаянием и злостью:

— Я не убивал... Но ты мне не веришь... Никто не верит...

Я захлебнулся этим голосом. Где-то вдалеке загремел гром — или это стреляли? — и я провалился в черную пустоту.

Что за бред? Где я вообще? Какой еще Кирилл?

Глава 2. Каменный гость

Очнулся я от того, что кто-то тряс меня за плечо. Резко, больно, чьи-то пальцы впивались мне в ключицу. Я дернулся, распахивая глаза.

— Тише, — прошелестел голос. — Не дергайся. Сердце опять схватит.

Я моргнул. Надо мной склонилось старое, иссохшее лицо с длинной седой бородой, свалившейся в колтуны. Глаза напротив смотрели не на меня, а будто сквозь, в самую глубину. Взгляд у старика был цепкий, как у тюремного кота, который давно уже ничему не удивляется, но все примечает.

— Феофан, — представился он. — Малой я. Сосед твой по нарам. Ты, Кирилл, как рухнул, так два часа и пролежал. Я уж думал, конец тебе. Ан нет, дышишь.

Кирилл. Я — Кирилл.

Воспоминания о том, что случилось до обморока, накатили липкой волной: игровой интерфейс, синяя печать на лбу, голос в голове, твердящий «я не убивал». Я попытался сесть. Тело слушалось плохо, но в нем чувствовалась странная, непривычная сила. Молодость. Я и забыл, каково это — когда не ноют колени и не стреляет в пояснице после неудобной позы во сне.

Камера была маленькой, как спичечный коробок. Стены из грубо тесаного камня, с которого сочилась влага. В углу — дыра в полу, перекрытая ржавой решеткой. Пахло плесенью, потом и какой-то кислятиной, въевшейся в камень насквозь. Свет проникал только сверху, из узкого, перегородженного прутьями оконца под самым потолком. По тому, как падал луч, я определил: день клонился к вечеру.

На мне был халат из мешковины, грубой, колючей, с большим нашитым номером: 734. На ногах — деревянные колодки, примотанные к щиколоткам сыромятными ремнями. Тело истощенное: ключицы выпирали, ребра прощупывались сквозь тонкую ткань. На ладонях трудовые мозоли, да и руки крепкие. Кирилл явно знал, что такое работа.

— Ты как? — спросил Феофан. Он сидел на корточках у стены и внимательно наблюдал за мной. — Надзирателя звать? Сычов велел доложить, если очухаешься.

— Не надо, — ответил я. Голос был сиплым, чужим. — Все нормально. Голова кружится. Старик хмыкнул.

— Нормально. Нормально, говоришь. А взгляд у тебя, Кирилл, не твой. Кирилл был тихий. Забитый. Глаза в пол, руки трясутся. А ты смотришь как волк. И говоришь не так. «Голова кружится» — Кирилл так не сказал бы. Он бы сказал «башка гудит».

Я промолчал. Следовательно во мне включился мгновенно: оценка ситуации, сбор информации, анализ угроз. Сокамерник — первый источник. От того, как я сейчас себя поведу, зависит, доживу ли я здесь хотя бы до утра.

— Удар был, — соврал я наобум. — Сердечный. Я ничего не помню. Может, память отшибло.

Феофан посмотрел на меня долгим, немигающим взглядом. Потом сплюнул в угол.

— Врешь. И Печать твоя врет.

Он поднялся, подошел ко мне и ткнул пальцем в лоб. Я почувствовал жжение — именно там, где пульсировала та самая синяя метка. Она зачесалась, нагрелась, и я услышал в голове уже знакомый голос: «Я не убивал...», но теперь он звучал громче и настойчивее.

— Печать Вины, — сказал Феофан. — Оракулы ставят. Она всегда горит, если ты врешь или если вину свою чувствуешь. А у тебя она полыхает так, что даже я вижу. Ты, парень, погряз во лжи. А Кирилл врать не умел. Он был честный дурак. Поэтому у тебя и спрашиваю: ты кто?

Я закрыл глаза. В голове роились версии. Сказать правду? Он либо примет меня за сумасшедшего, либо... либо нет. В этом мире, где есть магия Оракулов и Печати Вины, переселение душ может оказаться не таким уж бредом.

— А если я скажу, что я не Кирилл? — спросил я тихо. — Что я — другой человек, который просто очнулся здесь?

Феофан не удивился. Он медленно кивнул, погладил бороду и сел напротив меня, на пол, скрестив ноги.

— Допустим, поверю. А кто ты был?

— Следователь. Полицейский. В том мире, откуда я пришел, я расследовал преступления. А умер... сердце остановилось.

Старик хмыкнул, но в глазах его мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Следователь, значит. Занятно. А здесь ты — убивец. Девочку зарезал, Оракулы скакали. Печать, вон, поставили. Повесят тебя скоро.

— Я не убивал, — сказал я твердо.

Печать на лбу обожгла кожу, но я сдержался. Феофан усмехнулся.

— Печать горит. А ведь ты не врешь. Чудно. Оракулы еще никогда не ошибались. Ты первый.

— Значит, пришло время для первого, — ответил я. — Расскажи мне, что это за мир. Расскажи все. Я должен понять, куда попал.

Феофан помолчал, потом кивнул и начал рассказывать. Говорил он неспешно, с расстановкой, будто читал лекцию нерадивому студенту. А я слушал, впитывал и складывал пазл в голове.

Мир, в который я попал, был Россией. Но Россией искаженной, вывернутой наизнанку. Временные рамки примерно совпадали с началом XX века, но история пошла по другому пути. Здесь не было электричества в привычном мне понимании — его заменял пар. Огромные паровые машины, колеса, поршни, рельсы. Города дышали угольной гарью, небо над ними было серым от копоти. Эту эпоху называли «паровым веком».

— Оракулы, — говорил Феофан, — это маги. Их Орден возник лет сто назад. Говорят, первый Оракул явился из ниоткуда, пришел к царю и сказал: «Я вижу ложь. Я вижу правду. Я вижу будущее». Царь тогда был Александр III, мужик крепкий, но суеверный. Он взял Оракула на службу. А тот показал чудо: раскрыл заговор, нашел предателей. Царь обрадовался и позволил создать Орден. С тех пор они и правят.

— Правят? — переспросил я. — А царь?

— А что царь? — Феофан горько усмехнулся. — Царь у нас нынче Николай II. Слабый, говорят, правитель. Больше балами интересуется, чем страной. Оракулы его окружили, советниками стали, министрами. Теперь без их одобрения ни один закон не примут. А кто против — тот враг народа. Или колдун.

— А ты за что сидишь?

Феофан посмотрел на меня долгим взглядом, потом отвернулся.

— За оскорбление магии. Сын мой, Степан, работал на заводах. Там, понимаешь, люди гниют заживо. Дышат паром, пылью угольной, руки по локоть в масле. Степан заболел. Легкие отказали. А Оракул сказал — он симулянт. Дескать, видит его ауру, и нет там болезни. Печать поставили, как симулянту. А он через неделю умер. Я тогда пришел в управу и сказал, что Оракулы — лжецы и шарлатаны. Меня и взяли. Осьмой год пошел.

Я молчал. Перед глазами стояла картина: старик, потерявший сына из-за бюрократической системы, которая не признает ошибок. Как же это было похоже на мой мир. На мою Москву. На мое начальство, которое замяло дело ради сынка друга.

— Заводы, — сказал я. — А что заводы? Они везде есть.

— Сердце империи, — ответил Феофан. — Паровые гиганты. Они кормят города, дают свет, тепло, работу. Но люди там — расходный материал. Приходят здоровыми, уходят калекми. Или не уходят вовсе. А Оракулы говорят: «Все во благо. Это прогресс. Мы двигаем страну вперед». А народ молчит. Боится.

— А кто главный Оракул?

— Карл Майерс. Слышал о таком?

Я покачал головой.

— Глава Ордена. — Феофан понизил голос. — Самый влиятельный человек в империи. Ходят слухи, что он Николаем манипулирует, что царь — марионетка в его руках. Но кто проверит? Все, кто пытался, либо пропали, либо получили Печать и оказались здесь.

Похоже, Майерс здесь кто-то вроде Распутина. Интересно.

— А война? — спросил я, вспомнив школьный учебник истории. — Русско-японская?

Феофан удивленно поднял бровь.

— И откуда ты знаешь? Об этом только шепотом говорят. Да, назревает. Япония — зверь, который поднял голову. Говорят, война будет скоро. И многие считают, что это начало конца. Империя трещит по швам, а Оракулы только укрепляют свою власть. Царь слаб, народ голоден, маги всесильны. Долго так не протянуть.

Я откинулся на стену и закрыл глаза. Память подсказывала: Русско-японская война 1904–1905 годов, за ней — революция, крах империи. Но здесь все было иначе. Здесь не было Ленина, не было марксизма, ну или Феофан не знал про них. Был пар, магия и Оракулы. И я, бывший следователь, в теле убийцы, который должен умереть за преступление, которого не совершал.

— Мне нужно выбраться отсюда, — сказал я вслух.

— Отсюда не выбираются, — спокойно ответил Феофан. — Отсюда выносят только вперед ногами.

— Я не собираюсь умирать.

Старик посмотрел на меня с любопытством.

— Как это?

— Докажу, что невиновен. Найду того, кто убил ту девочку. Разберусь, зачем меня подставили.

— Ты хочешь бороться с Оракулами? — Феофан рассмеялся, но смех был горьким. — Парень, на тебе метка. Оракулы слишком сильны. Они видят ложь, видят правду...

— Это они так говорят, — перебил я. — И все в это охотно верят. Я верю фактам и доказательствам. Если Печать на мне не горит, когда я говорю, что не убивал, значит, она дает сбой. А значит, их можно обмануть.

Феофан замолчал, обдумывая мои слова. Потом медленно кивнул.

— Может, и правда, судьба это. Может, ты здесь не просто так. Может, ты — тот, кто сможет сломать их порядок.

— Судьба? — Я усмехнулся. — Я в судьбу не верю. Только в факты, доказательства и логику. И я докажу, что Кирилл невиновен. А потом... потом посмотрим.

Старик ничего не ответил. Он отвернулся и уставился в стену, но я видел, как в его глазах зажглась искра. Искра надежды.

Вечером в камеру зашли надзиратели. Их было двое, оба в черных мундирах с серебряными шевронами, на которых был вышит символ Ордена Оракулов — всевидящее око, оплетенное паровой трубой. Один из них был высоким, плотным, с холеным лицом и тонкими, брезгливо поджатыми губами. На поясе у него висела дубинка с металлическим набалдашником и связка ключей.

— Встать, 734, — сказал он. Голос был скрипучий, как несмазанная дверь. — Карл Майерс, старший Оракул столицы, пришел проведать.

Я поднялся, стараясь не шататься. Колодки на ногах мешали, но я держался ровно.

Сычов подошел ко мне вплотную. От него пахло дорогим одеколоном и табаком. Он взял меня за подбородок, повернул голову к свету и долго всматривался в мои глаза. Потом коснулся пальцем Печати на лбу. Метка обожгла кожу, и я почувствовал, как по телу прошла дрожь.

— Странно, — протянул Сычов. — Твоя аура сломалась. Как будто... ты не ты. От страха, что ли? Или болезнь?

Он отпустил меня и отступил на шаг.

— Оракулы сказали, что ты умрешь через три дня. Сердце не выдержит. Но ты жив. И Печать ведет себя нестабильно. Я доложу наверх. Может, тебя переведут в лабораторию. Для опытов.

Он улыбнулся холодно, хищно и вышел, не обернувшись.

Дверь захлопнулась. Я стоял посреди камеры, чувствуя, как колотится сердце. Не мое сердце. Сердце Кирилла.

Феофан подошел ко мне и положил руку на плечо.

— Видишь, — сказал он. — Они уже заметили. С тобой что-то не так. И это опасно. Но, может быть, это и есть твой шанс.

Я промолчал. В голове крутилась одна мысль: я не умру здесь. Не дамся. Я начал новую жизнь в теле убийцы, и я сделаю все, чтобы задержаться здесь. Я докажу, что Кирилл невиновен. Я найду настоящего убийцу. И узнаю, кто такие Оракулы на самом деле.

— С чего начнешь? — спросил Феофан.

— С еды, — ответил я. — Мне нужно восстановить силы. И с информации. Расскажи мне все, что знаешь об этом деле. О девочке, которую якобы убил Кирилл.

Я взял миску с тем, что тут выдавали за еду...

Феофан кивнул и сел на нары, готовясь к долгому разговору.

— Девочку звали Аглая. Ей было четырнадцать. Дочь начальника завода. Ее нашли в парке, задушенной. Кирилла взяли через два дня. Оракул поставил Печать — и все. Приговор вынесли загодя. Ждет казни.

— Почему именно Кирилл?

— Потому что он не отвертелся. Да и был никем. А дочь начальника — это громкое дело. Надо было найти виновного быстро.

— А если они ошиблись?

— Тогда это крах всей системы. Потому что Оракулы — это власть. А власть не признает ошибок.

Я сжал кулаки.

— Значит, я заставляю их признать.

Феофан посмотрел на меня с сомнением, но промолчал.

В камере темно. Луч света из оконца погас. Наступила ночь. Но в груди у меня горел огонь. Маленький, но яркий. Огонь, которому я не дам погаснуть.

Следующие три дня слились в серую, вязкую массу. Камера, баланда из прогорклой крупы, деревянные колодки, которые натирали ноги до кровавых мозолей, и бесконечные разговоры с Феофаном. Старик оказался кладезем информации. Он знал все об этой тюрьме, о ее обитателях, о хитросплетениях тюремной иерархии. Я впитывал каждое слово, как губка.

— Здесь, Кирилл, — говорил он, понижая голос до шепота, — главное — не высываться. Есть «блатные» — они при парадном входе сидят, с Оракулами дружбу водят. Есть «мужики» — серая масса, работяги. Есть «опущенные» — те, кто провинился. Ты — «смертник». Это ниже всех. Тебя любой может ударить, оскорбить, отнять пайку. И Печать твоя не даст тебе солгать в ответ. Ты — вещь. Но если ты покажешь, что не боишься, что у тебя есть стержень, к тебе присмотрятся. Может, даже примут.

— А что за «смертники»? — спросил я. — Все, у кого есть Печать?

— Не все. Печать ставят за разные преступления. Есть «позорные» — за кражу, за обман. Но «смертники», вроде тебя, — это особая каста. Убийц, особенно тех, кто поднял руку на дитя, ненавидят люто даже здесь.

На четвертый день, когда я уже начал привыкать к запаху плесени и собственному зловонию, в камеру снова зашли надзиратели. На этот раз их было четверо. Они грубо выдернули меня с нар и поволокли по коридору, не обращая внимания, что колодки мешают идти. Феофан только успел крикнуть мне вдогонку: «Держись, парень!».

Меня привели в небольшой внутренний двор тюрьмы. Высокие каменные стены, утыканые битым стеклом и ржавыми шипами, вздымались к небу, затянутому угольной дымкой. Двор был вымощен булыжником, в центре стояла ржавая колонка с водой. Вокруг нее, сбившись в кучки, стояли люди. Человек тридцать. Все в таких же мешковатых халатах, с такими же Печатами на лбах. Меченые.

Надзиратель, тот самый Сычов, вывел меня в центр и громко объявил:

— Слушайте, отребье! Вот ваш новый сожитель. Номер 734. Убийец. Кто захочет — можете поучить его уму-разуму. Но не до смерти. Он нужен Оракулам живым.

Он подтолкнул меня в спину, и я пошатнулся, едва удержав равновесие. По толпе прокатился глухой ропот. Я чувствовал на себе десятки взглядов — злых, любопытных, равнодушных. Кто-то сплюнул в мою сторону. Кто-то оскалился.

Я медленно выпрямился, насколько позволяли колодки, и оглядел двор. Нужно было оценить обстановку: потенциальные враги, союзники, места, где можно укрыться.

— Не дрейфь, — раздался голос рядом.

Я обернулся. Рядом стоял Феофан. Его тоже вывели на прогулку.

— Я думал, тебя в лабораторию, — сказал он. — Ан нет, решили подышать дать. Это хорошо. Значит, жить пока будешь.

— Долго? — спросил я, не разжимая губ.

— Пока не казнят. Или пока не сгноят. Как повезет.

Мы медленно пошли вдоль стены. Я старался не смотреть никому в глаза, но краем глаза отмечал каждого. Вот трое здоровых мужиков, явно «блатные», сидели на корточках у стены, курили самокрутки и скалились. Вот худой парень с безумными глазами, который бормотал что-то себе под нос. Вот ковылял старик с перебитой ногой.

— А ты слышал, — вдруг сказал Феофан, когда мы отошли подальше от надзирателей, — что для Меченых в городе есть особое место?

Я остановился и посмотрел на него.

— Какое место?

— Квартал. Целый городской квартал, отгороженный стеной. — Феофан говорил тихо, почти шепотом, но в его голосе слышалась смесь уважения и ужаса. — Там живут те, кого помиловали. Редко такое, но бывает. Если Оракул решит, что ты можешь быть полезен, он может заменить виселицу на «Свободный квартал».

— Но на самом деле не свободный? — переспросил я. — Тюрьма внутри города?

— Именно. — Феофан кивнул и остановился, прислонившись к стене. — Слышал я о нем от одного человека. Он там был. Стена высотой в три человеческих роста, с башнями по углам. Вход только один — через ворота, которые охраняют паровые истуканы. Внутри — дома, лавки, даже трактир. Меченые там могут передвигаться практически свободно. У них есть работа, еда, крыша над головой. Но за стену — ни шагу. Если попытаешься выйти — убьют сразу же.

— И много там таких?

— Мало. Очень мало. Говорят, там живет не больше тысячи человек. Все — бывшие убийцы, предатели. У них есть свои законы, свой порядок. Они не подчиняются обычной полиции. Они подчиняются только Ордену.

— И ты хочешь сказать, что я могу туда попасть?

Феофан покачал головой.

— Не знаю. Такое везение — редкая удача. Оракулы сами решают, кому жить, а кому умирать.

— А что нужно сделать, чтобы заинтересовать их?

Старик хитро прищурился.

— Нужно быть не просто убийцей. Нужно быть необычным. У тебя есть эта странность — твоя аура сломана. Сычов это заметил. Они, может, уже обсуждают твою судьбу. Если ты сможешь доказать, что ты — не просто расходный материал, что ты можешь быть им полезен, — тебя не убьют. Отправят в квартал. А оттуда, говорят, есть пути на волю.

— Пути? — Я подался вперед. — Какие пути?

— Тихо. — Феофан оглянулся. — Не здесь. Потом. Если доживешь до вечера.

Он кивнул в сторону группы «блатных». Они поднялись и неспешно направились к нам. Тот, что шел впереди, — широкоплечий детина с татуировками на руках и глубоким шрамом через все лицо — остановился в двух шагах от меня и ухмыльнулся.

— Слышь, 734, — сказал он. Голос был низкий, хриплый, как у пса, который долго лаял. — Ты кто по жизни?

Я выпрямился. Сердце колотилось, прокачивая по венам кровь попеременно с адреналином.

— Человек, — ответил я ровным голосом. — Как и ты.

— Не-е, — протянул детина. — Ты не человек. Ты — мразь. Ты детей убиваешь. А я — вор. Я людей не трогал. Только кошельки.

Он шагнул ко мне и толкнул в плечо. Я пошатнулся, но устоял.

— Ты. — Он ткнул пальцем мне в грудь. — Не имеешь права смотреть на меня. Понял? Будешь смотреть — глаз выколю.

Я встретил его взгляд. Как смотрел на подозреваемых, когда те пытались запугать меня в кабинете.

— Убери руку, — сказал я тихо.

Детина замер. Он явно не ожидал такого поворота. Его спутники тоже остановились, с любопытством наблюдая за разворачивающейся сценой.

— Че сказал? — переспросил он, и в его голосе послышалась угроза.

— Я сказал, убери руку. Или я ее тебе сломаю.

Наступила тишина. Даже ветер, казалось, стих. Детина смотрел на меня, пытаясь понять, блефую я или нет. Я не блефовал. Я знал, что если сейчас отступлю, меня сожрут. В этом мире, как и в моем, слабость наказывалась смертью.

— Ты, — начал он, но его прервал резкий свист.

Надзиратель, стоявший у входа, дунул в свисток.

— Прогулка окончена! По камерам! Живо!

Детина сплюнул мне под ноги, развернулся и пошел прочь, бросив на прощание:

— Мы еще встретимся, 734. Я тебя запомнил.

Я выдохнул. Феофан тронул меня за локоть.

— Молодец, — шепнул он. — Хорошо держался. Но теперь берегись. Этот, со шрамом, — Косой. Он здесь главный среди блатных. Он тебя не простит.

— Я не просил прощения, — ответил я.

Мы пошли к выходу. Надзиратель пересчитывал нас, тыча пальцем. Когда я проходил мимо него, он задержал на мне взгляд.

— А ты, 734, везучий, — сказал он. — Сычов велел тебя не трогать. Пока. Но это ненадолго. Готовься к переводу.

Я остановился.

— Переводу? Куда?

— В Свободный квартал, — усмехнулся надзиратель. — Там тебя ждут. Похоже, ты им зачем-то понадобился, мразь.

Он подтолкнул меня в спину, и я шагнул в темноту коридора.

Сердце колотилось, но теперь уже не от страха. От предвкушения. Я не знал, что ждет меня в этом Квартале. Но я знал одно: это шанс. Шанс выбраться из этой дыры. Шанс начать расследование. Шанс найти правду.

Глава 3. Следы истины

Очередное утро в камере «Серой ветки» начиналось с далекого, низкого гула паровых машин, который пронизывал сами камни стен и отдавался в костях. Затем слышался лязг засовов, скрежет ключей в замках и тяжелая поступь сапог по коридору. Но самым характерным, самым тошнотворным звуком был звон алюминиевых мисок, которые несли впереди себя стражники.

Я открыл глаза и уставился в сырой, покрытый плесенью потолок. Феофан уже сидел на нарах, сложив руки на коленях и глядя в одну точку. Он не спал, а как будто дремал с открытыми глазами. Для него каждое утро явно было очередным кругом ада, который нужно просто пережить.

— Слышишь? — спросил он, не поворачивая головы. — Молчунья сегодня раздает, Елизавета Андреевна. Хорошая женщина. Как ее угораздило сюда попасть — один Бог ведает.

— Откуда ты знаешь? — спросил я, садясь. Спина затекла, плечо ныло после вчерашней драки в прачечной, когда я отбивался от подручных Косого.

— Шаг тяжелый, а звон легкий, — ответил Феофан. — Стражники топают, как медведи, а миски у них бьются друг о друга, будто хотят разбиться. У Молчуньи шаг мягче. Она женщина, хоть и в мундире. И миски она несет так, словно они из стекла.

Я хмыкнул. Феофан был здесь дольше меня, а потому уже многое успел подметить и понять. Он был моим единственным союзником в этом мире, старым, сморщенным волком, который знал каждый уголок этой тюрьмы и каждого ее обитателя.

Дверь с лязгом отворилась. В проеме стояла фигура в сером мундире, и это действительно была не обычная звероподобная туша вроде надзирателя по кличке Гвоздь, а стройная, почти хрупкая женщина. Елизавета Андреевна.

Я видел ее раньше, мельком, но сейчас, в утреннем полумраке, рассмотрел впервые. Ей было лет двадцать пять, не больше. Лицо — бледное, без следов румян, с тонкими чертами, которые уже начали заостряться от постоянного напряжения. Глаза — серые, глубокие, с темными кругами под ними. Она выглядела уставшей не физически, а как-то по-особенному, той усталостью, которая поселяется в душе, когда каждый день видишь чужое горе и насилие.

Самое удивительное было в том, как она держала миски. Она не швыряла их в решетку, как другие стражники, и не плевалась в похлебку. Лишь молча, сосредоточенно поставила одну миску на пол, затем вторую, просунув их под прутьями. Ее движения были четкими, почти механическими, но в них не было жестокости.

Я подошел к решетке, чтобы забрать свою порцию, и невольно задержал взгляд на ее руке. На тыльной стороне ладони, чуть выше запястья, тянулся неровный, белесый шрам. Он был странным. Кожа была стянута, словно ее расплавили, а потом она зажила грубыми рубцами. Я знал такие шрамы. В моем мире их называли контактными ожогами. След от парового ожога. Когда пар под высоким давлением прорывается наружу, он не просто обжигает — он сдирает кожу, оставляя после себя такие вот уродливые отметины.

Она перехватила мой взгляд и быстро одернула рукав мундира. Но не отвернулась. В ее взгляде не было страха или злобы. Было что-то другое. Настороженность? Или сочувствие?

— Кирилл, — тихо сказала она, и ее голос прозвучал неожиданно мягко. — Есть разговор.

Феофан насторожился.

— Слушаю.

Она оглянулась по сторонам, убедилась, что коридор пуст, и заговорила еще тише:

— Через три дня тебя переводят. В Свободный квартал. В тюрьме об этом знают немногие.

Я кивнул. Я ждал этого события, все-таки квартал не тюрьма, ну вернее тюрьма конечно, но с большей свободой действия. Там у меня будут возможности для проведения расследования.

— Но зачем вы рискуете?

Она помолчала, словно раздумывая, стоит ли говорить. Потом посмотрела мне прямо в глаза.

— Потому что я видела, как ты смотрел на мой шрам. Видела твои глаза. Я слишком хорошо знаю преступников, научилась считывать такое. Ты человек, попавший в переплет. А таких, как ты, здесь почти не осталось. Что-то в тебе есть, взгляд или движения... Есть настоящие звери, вроде Косого, есть те, кто смирился, а есть такие, как ты, — с горящим взором, стремящиеся к чему-то, у них есть цель, есть шанс. Может быть, я верю, что ты невиновен...

В этот момент я заметил, что в похлебке плавает кусок настоящего мяса. Не жилистая требуха, а добрый кусок вареной говядины. Таких привилегий у простых заключенных не было.

— Ешь, — сказала она. — Силы понадобятся.

Она уже повернулась, чтобы уйти, но остановилась и бросила через плечо:

— И еще. Косой и его шавки знают о переводе. Они хотят добраться до тебя до того, как тебя заберут. Будь осторожен. У тебя три дня. Или ты их, или они тебя.

Она ушла, и ее шаги затихли в конце коридора.

Я вернулся к нарам и сел, уставившись в миску. Мясо пахло наваристо, но аппетита не было.

— Слышал, что сказала добрая душа? — прошамкал Феофан. — Три дня. А Косой не будет ждать. Он захочет поквитаться за вчерашнее.

Я кивнул. В первый день здесь я пообещал Косому, что сломаю ему руку, если он еще раз подойдет ко мне. Он не поверил. Пришлось доказывать. Я вывернул ему локоть так, что хрустнуло, и он завыл, как собака. Охрана прибежала, растащила нас, и меня отправили в карцер. Но это было только начало.

— Я не собираюсь ждать три дня, — сказал я, поднимая голову. — Я сам пойду к нему. Сегодня.

Феофан поперхнулся похлебкой.

— Ты спятил, парень? Он же тебя в порошок сотрет, если не охрана. У него там десяток шавок.

— У меня же ты есть, — усмехнулся я. — И голова на плечах. Косой — зверь, но зверь тупой.

— А если охрана? Тебя же запрут в карцер до перевода.

— Таков план, — сказал я, поднимаясь. — Карцер отличное место, чтобы побыть в тишине. Там до меня не доберутся... Прогулка через час. Там и встретимся.

Феофан покачал головой, но спорить не стал.

Прогулочный двор «Серой ветки» представлял собой прямоугольник, вымощенный булыжником и окруженный высокой стеной с колючей проволокой поверху. Сверху, с вышки, за нами следил пулеметчик. Двор был разделен на три сектора, чтобы разные группировки не смешивались. Новичков и «нейтралов» выгоняли в средний сектор. По левую руку от нас гуляли «воры» и «медвежатники», по правую — «шестерки» Косого.

Я сразу заметил его. Он стоял у стены, привалившись плечом к камням, и перебинтованная рука висела на перевязи. Рядом с ним толпились его подручные — человек пять, не меньше, все с мутными глазами и накачанными кулаками. Они явно ждали меня.

Феофан держался чуть поодаль, делая вид, что разглядывает облака. Я медленно, не спеша, пошел по кругу, как будто просто разминался. Сердце колотилось где-то в горле, но я

старался дышать ровно. Я знал, что если сейчас струшу, то все кончено. В этом мире, как и в моем прошлом, в тюрьме уважают только силу и смелость. Покажи слабинку — и тебя сожрут.

Косой заметил меня. Его глаза сузились, он что-то сказал своим, и они начали медленно, вразвалочку, двигаться в мою сторону. Я продолжал идти, как ни в чем не бывало, но краем глаза следил за вышкой. Пулеметчик смотрел в другую сторону, на соседний сектор, где двое заключенных что-то не поделили и начали толкаться. Отлично.

Когда между нами осталось шагов пять, я остановился и поднял голову, глядя прямо в глаза Косому.

— Чего уставился? — прорычал он. — Думаешь, если в первый раз повезло, то и сегодня прокатит?

— Я не думаю, Косой, — спокойно ответил я. — Я знаю. Сегодня я сломаю тебе вторую руку. А потом, может быть, ногу. Чтобы ты запомнил, как связываться с теми, кто умнее тебя.

Он взревел и бросился на меня, забыв про перевязанную руку. Его подручные рванули следом. Именно этого я и ждал.

Я не стал отступать. Вместо этого я шагнул вперед, прямо навстречу Косому. В последний момент я пригнулся, пропуская его кулак над головой, и со всей силы врезал ему локтем в солнечное сплетение. Он выдохнул со свистом и согнулся пополам. Я схватил его за здоровую руку, рванул на себя и, используя инерцию его тела, швырнул его в первого из подбегающих подручных. Они свалились в кучу, как кегли.

Но остальные уже были здесь. Я успел уклониться от удара справа, пропустил тычок слева, но он пришелся по касательной. Кто-то схватил меня за ворот, я рванул голову назад, ударив нападавшего затылком в лицо. Хруст. Мужик позади взвыл.

Двор взорвался криками. Заключенные в соседних секторах заулюлюкали, подбадривая дерущихся. С вышки донесся свисток.

Я знал, что у меня есть секунд тридцать, пока охрана добежит. Этого хватит.

Косой уже поднялся, его лицо было перекошено от ярости. Он выхватил у кого-то из своих заточку — самодельный нож из обточенной ложки — и размахнулся, целясь мне в горло.

Я перехватил его руку, держащую нож, и резко вывернул ее вверх и назад. Сустав хрустнул, как сухая ветка. Косой заорал так, что, наверное, было слышно в соседних кварталах. Нож выпал, звякнув о булыжники.

Рука повисла плетью. Теперь у него были переломаны обе. Удар коленом в живот заставил Косого согнуться и упасть на землю.

— Я предупреждал, — прошептал я ему на ухо, пока он корчился на земле. — Ты меня не тронешь. Ни сегодня, ни через три дня.

Косой валялся у моих ног в позе эмбриона. Его шайка прижалась к стенам двора. Я стоял в центре двора, заведя руки за спину — провоцировать охрану я не собирался.

Охрана с дубинками влетела во двор. Меня схватили двое и поволокли к выходу. Я не сопротивлялся. Я сделал то, что хотел. Я показал всем, что не жертва. И, возможно, это спасет мне жизнь в ближайшие три дня.

Карцер был хуже общей камеры. Сырой, холодный, без окон. Только узкая щель в двери, откуда сочился тусклый желтый свет. Меня бросили на бетонный пол, и дверь захлопнулась.

Я лежал, глядя в темноту, и пытался успокоить дыхание. Адреналин еще бурлил в крови, но постепенно отпуская. Я слышал, как за стеной перекликаются стражники, как где-то далеко гудит паровой молот.

И вдруг, в этой тишине, я почувствовал странное изменение. Как будто внутри меня что-то щелкнуло, переключилось. Система, которая молчала с момента моего пробуждения в этом теле, вдруг ожила. Перед глазами, прямо в темноте, засветились строки, словно написанные бледным, мерцающим светом:

[ВНИМАНИЕ. АКТИВАЦИЯ СПОСОБНОСТИ: «СЛЕДЫ ИСТИНЫ». УРОВЕНЬ 1.]

[ОПИСАНИЕ: Пользователь получает возможность считывать остаточные эманации лжи и истины, запечатленные в памяти людей. На текущем уровне — визуальные искажения, «помехи», указывающие на попытку сокрытия информации.]

[ПРИМЕЧАНИЕ: Способность была заблокирована из-за несовместимости нейронных структур носителя. Адаптация завершена. Рекомендуются тренировки.]

Я моргнул — текст исчез. Я попробовал вернуть его мысленно — ничего. Но внутри появилось странное, новое ощущение. Как будто я стал чувствительнее к каким-то колебаниям, которых раньше не замечал.

За те дни, что я провел в этом мире и в этом теле, у меня не было возможности подумать над своим положением. Теперь времени было предостаточно.

Закрыв глаза, я попытался сосредоточиться. Я знал, что в теле Кирилла остались его воспоминания. Я уже пытался их достать, но они были как будто заперты, подернуты дымкой. Теперь, после активации способности, я почувствовал, что могу добраться к ним иначе.

Я глубоко вздохнул, расслабил мышцы и мысленно потянулся вглубь себя. Сначала была только темнота. Потом — смутные образы, тени. Я сосредоточился на них, и вдруг они стали проясняться.

Надо мной раскинулось небо. Серое, пасмурное, но такое яркое после тюремных стен. Я стоял на перроне железнодорожного вокзала. Вокруг сновали люди, носильщики тащили чемоданы, паровозы пыхтели, выпуская клубы белого пара. Запах угольной пыли и машинного масла ударил в нос.

Я смотрел на свои руки — молодые, мозолистые, с вьёвшейся в кожу графитовой пылью. В руках я держал сверток чертежей, туго свернутых в трубку. Я чувствовал волнение, смешанное со страхом. Сердце колотилось где-то в горле.

— Кирилл Иннокентьевич, — раздался голос сбоку. — Документы готовы?

Я повернулся. Рядом стоял мужчина в длинном черном плаще, с высоким воротником, скрывающим нижнюю часть лица. На голове — цилиндр. Из-под поля цилиндра на меня смотрели странные глаза с вертикальными зрачками, как у кошки. Оракул?

— Я ничего не брал! — вырвалось у меня. Это был Кирилл. Его голос, его страх. — Это не мои чертежи! Мне их подбросили!

Оракул улыбнулся. Улыбка вышла холодной, хищной.

— Метка не лжет, мальчик. Ты видел то, чего не должен был. Ты держал в руках то, что принадлежит империи. За это и заплатишься.

— Я инженер! — крикнул Кирилл. — Я работаю на «Дальневосточную магистраль»! Я строю дорогу! Я не вор!

— Ты — слепой щенок, который сунул нос туда, куда не следует, — спокойно повторил Оракул. — Но империя милостива. Ты отправишься в тюрьму. А если твоя душа чиста, истина всплывет.

Он щелкнул пальцами. Из-за его спины вышли двое в серой форме. Железнодорожная полиция. Они схватили Кирилла за руки.

— Нет! — закричал он. — Я ничего не брал! Меня подставили!

Один из полицейских ударил его прикладом по голове. Вспышка боли. Темнота.

Я вынырнул из воспоминания, хватая ртом воздух. Сердце колотилось, как бешеное. На лбу выступил пот. Я снова был в карцере, в темноте, на холодном полу.

Но теперь я знал кое-что важное. Кирилл не врал. Он не брал эти чертежи. Ему их подбросили. Во сне я прочел его мысли и эмоции.

И Оракул... Оракул знал об этом. Но он все равно поставил клеймо вины. Почему? Кому было выгодно упечь за решетку молодого инженера, который строил дальневосточную магистраль?

Я попытался вспомнить еще, но воспоминания ускользали, как вода сквозь пальцы. Система выдала еще одно сообщение:

[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Доступ к воспоминаниям носителя ограничен. Обнаружено вмешательство. Структура памяти повреждена. Рекомендуется использование внешнего источника данных.]

Внешний источник. Надо найти того, кто подобрал чертежи Кириллу.

Я открыл глаза и уставился в потолок карцера. Надо найти настоящего преступника, это единственный путь к свободе.

Утро следующего дня неожиданно началось с лязга засова. Дверь карцера открылась, и на пороге стояла Елизавета Андреевна. В руках она держала не миску, а свернутый в трубочку лист бумаги.

— Выходи, — коротко сказала она. — Тебя переводят обратно в камеру. Но сначала — разговор.

— Я думал до перевода буду в карцере?

Елизавета не ответила.

Я вышел, шурясь от тусклого света коридора. Она протянула мне лист.

— Это нашли в твоих вещах, когда тебя арестовывали. Я припрятала. Думала, пригодится.

Я развернул бумагу. Это был обрывок чертежа, вырванный из общей схемы. На нем был изображен сложный железнодорожный узел, стрелки, переезды. Внизу, химическим карандашом, было написано: «Стрелка 1917. Полустанок. Взрывчатка».

— Что это? — спросил я, поднимая глаза на Елизавету.

— Я надеялась, что ты мне скажешь, — ответила она. — Это твой чертеж. Точнее, тот, который тебе подбросили. Я видела такие раньше. Это схема диверсии.

— Диверсии?

— На Дальневосточной магистрали готовится теракт, — тихо сказала она. — Я думаю, кто-то хочет пустить под откос поезд с высокими чинами. Император едет на Дальний Восток через две недели. Если взрыв произойдет, это будет катастрофа. И тебя, Кирилл, хотят сделать крайним.

Я смотрел на чертеж, и в голове начал складываться пазл. Меня подставили. Убрали с дороги, посадили в тюрьму, чтобы я не мешал. А теперь, когда я должен был отправиться к Меченым, меня, скорее всего, просто убили бы, чтобы замести следы.

— Спасибо, — сказал я, пряча чертеж за пазуху. — Вы рискуете, помогая мне.

— Я рискую каждый день, — горько усмехнулась она. — Но если я могу помочь невиновному, я помогу. У меня свои счета с Оракулами.

Она замолчала, а потом добавила:

— Сегодня ночью в тюрьме было неспокойно. Косого убили.

Я замер.

— Убили? Кто?

— Его нашли в камере с перерезанным горлом. Нож — самоделка, из столовой ложки. Главный подозреваемый — ты.

— Я был в карцере! — воскликнул я. — У меня алиби!

— Алиби есть, — кивнула она. — Но это никого не волнует. Косой был связан с людьми, которые хотят твоей смерти. Его могли убить, чтобы обострить ситуацию. Теперь есть повод держать тебя здесь подольше. А завтра придет следователь из Сысного управления. Молодой, но упертый. Его зовут Илья Кобылов.

Я запомнил это имя.

Илья Кобылов оказался именно таким, как его описывала Елизавета. Молодым, вряд ли многим старше нее самой, с острым взглядом и нервными, дергаными движениями. Он носил форменный сюртук Сысского управления, но на нем он сидел мешковато, как будто Илья из него вырос.

Меня привели в комнату для допросов. Маленькую, душную, с одной лампой под потолком. Илья сидел за столом, перебирая бумаги. Когда я вошел, он поднял голову и окинул меня быстрым, оценивающим взглядом.

— Кирилл Иннокентьевич Лозовой? — спросил он официальным тоном.

— Он самый, — ответил я, садясь на стул напротив. Теперь я знал полное имя Кирилла.

— Вы знаете, зачем я здесь?

— Догадываюсь. Из-за Косого.

— Из-за Косого, — подтвердил он. — Но не только. Меня интересует ваше основное дело. Чертежи. Оракулы уже поставили на вас метку, но я не привык верить им. Я предпочитаю факты.

Я посмотрел на него внимательнее. В его глазах горел тот же огонь, который зажигал мои собственные, когда я был молодым следователем. Жажда правосудия. Нежелание мириться с несправедливостью.

— Вы не любите Оракулов, — сказал я, и это был не вопрос.

Он дернулся, как от пощечины:

— С чего вы взяли?

— Ваш взгляд. Когда вы говорили о метках, вы поморщились. Вы считаете, что они ошибаются.

Он долго смотрел на меня, а потом криво усмехнулся:

— Вы наблюдательны. Для простого инженера.

— Я не простой инженер, — сказал я, наклоняясь вперед. — И я не вор. Меня подставили. И я знаю, кто это сделал.

— Кто же? Назовите конкретное имя?

— Те, кто хочет взорвать поезд с императором.

Илья замер. Его лицо стало белым.

— Откуда вам это известно?

Я вытащил из-за пазухи обрывок чертежа, который дала мне Елизавета, и положил его на стол.

— Вот. Это подбросили мне в вещи. Там написано «Стрелка 1917. Полустанок. Взрывчатка». Я работал над проектом этой ветки. Знаю, где эта стрелка. Это идеальное место для диверсии.

Илья взял чертеж, долго рассматривал его, а потом поднял на меня глаза. В них уже не было скепсиса. Было что-то другое. Уважение?

— Вы хотите сказать, что вас посадили, чтобы вы не помешали теракту?

— Именно.

— И вы готовы сотрудничать со следствием?

— Я готов сделать все, чтобы найти настоящих преступников, — твердо сказал я. — Но для этого мне нужно выйти отсюда. Хотя бы временно.

Илья задумался. Он барабанил пальцами по столу, и я видел, как в его голове идет борьба. С одной стороны — долг, инструкции, метка Оракула. С другой — здравый смысл и очевидные улики.

— У меня есть условие, — наконец сказал он. — Вы помогаете мне раскрыть убийство Косого. Если вы действительно невиновны, вы поможете мне найти настоящего убийцу. А я, в свою очередь, обещаю заняться вашим делом. Добьюсь пересмотра метки.

— Договорились, — ответил я, протягивая руку.

Он пожал ее. Рукопожатие вышло крепким, уверенным.

Мы вышли из комнаты для допросов и направились в общую камеру, где жил Косой. Там уже толпились заключенные, которых выстроили вдоль стен для опознания. Илья начал допрос.

Я стоял чуть поодаль, наблюдая. И вдруг я снова почувствовал то странное изменение. Когда один из подручных Косого, здоровенный детина с татуировками на руках, начал отвечать на вопросы Ильи, я увидел, что вокруг его головы, как будто в воздухе, появились едва заметные искажения. Словно старый телевизор, который ловит помехи. Картинка плыла, дрожала. Я понял — он врет. Мой навык показывал мне «следы истины».

— Спросите его, где он был в час ночи, — тихо сказал я Илье.

Илья удивленно обернулся, но послушался.

— Где ты был в час ночи, Ефим?

Детина замялся, и искажения вокруг его головы стали сильнее.

— Спал я, ваше благородие. В камере.

— Врешь, — спокойно сказал я, выходя вперед. — Ты был в коридоре. Ты видел, кто зашел в камеру к Косому.

— А ты че, самый умный?! В Оракулы записался? — взревел он, но в его голосе слышались панические нотки.

— Я тот, кто видит правду, — ответил я, глядя ему прямо в глаза. — Ты боишься. Боишься того, кто приказал тебе молчать. Но если ты не скажешь правду сейчас, тебя повесят за убийство, которое совершил не ты.

Искажения вокруг его головы исчезли. Он сдулся, плечи опустились.

— Это был Гвоздь, — прошептал он. — Старший стражник. Он зашел к Косому ночью. А вышел уже один. А утром Косого нашли мертвым.

Илья резко повернулся к охране.

— Немедленно арестовать этого... Гвоздя! Обыскать его вещи!

Через час в камере стражника нашли самодельный нож, которым был убит Косой. Кровь на лезвии еще не успели отмыть.

Убийца был найден. Илья смотрел на меня с неподдельным изумлением.

— Как вы это сделали? — спросил он, когда мы остались одни.

— Чутье, — усмехнулся я. — Старое следовательское чутье.

Он слегка усмехнулся.

— Я сдержу свое слово, — сказал он на прощание. — Завтра я подам прошение о рассмотрении вашего дела. И постараюсь, чтобы вас не переводили в Свободный квартал.

— Спасибо, — ответил я.

Он ушел, а я вернулся в камеру, где меня ждал Феофан. Старик сидел на нарах и улыбался в бороду.

— Ну что, парень? Первая победа?

— Первая, — согласился я. — Но не последняя.

Я лег на нары и закрыл глаза. Система снова выдала сообщение:

[СПОСОБНОСТЬ «СЛЕДЫ ИСТИНЫ» ПОВЫШЕНА ДО УРОВНЯ 2.]

[НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ: Теперь вы можете видеть не просто помехи, а настоящий след преступника — остаточную энергию, связывающую его с местом преступления. Время действия — 24 часа после совершения преступления.]

Я открыл глаза и посмотрел на свои руки. В темноте камеры они казались чужими, но внутри меня зрела уверенность. Я не просто выживал. Я начинал охоту.

Завтра меня должны были перевести в квартал Меченых. Но я знал одно: если я доберусь до истины раньше, чем Оракулы доберутся до меня, у меня появится шанс.

Я закрыл глаза и провалился в сон. Впервые за долгое время без кошмаров.

Глава 4. Остров отверженных

Рык парового двигателя отдавался в костях нудной, выматывающей вибрацией. Стальной фургон, в котором нас везли, больше напоминал огромную консервную банку, лишённую оконных стекол — их заменяли узкие прорезы с частой решёткой. В нос бил едкий запах пережженного масла и угольной пыли, смешанный с тошнотворным привкусом дешевого табака и чужого страха. Металлический пол под ногами был холодным и скользким, покрытым слоем сажи и неизвестной мне маслянистой жидкости.

Я сидел на узкой скамье, вцепившись пальцами в холодный край сиденья до побелевших костяшек. Каждая кочка, каждый стык рельсов отдавались глухим ударом в позвоночнике. Напротив меня, мерно покачиваясь в такт ухабам, устроился Феофан. Старик выглядел подозрительно спокойным. Слишком спокойным для человека, которого везут в Свободный квартал. Он сидел с закрытыми глазами, сложив руки на коленях, и на его лице застыло выражение отрешенного фатализма, которое я часто видел у смертников, уже смилившихся со своей участью.

В голове шевельнулась холодная, змеиная мысль. Следственная привычка — искать подвох там, где все кажется логичным. Подозревать всех и каждого, даже когда для этого нет видимых причин.

«А не подсадили ли мне деда? — подумал я, прищурившись. — Слишком складно он поет. Слишком много знает. И этот его перевод... С чего бы это жандармам проявлять такое милосердие к старому болтуну, оскорбившему Оракулов? Может, он наводчик? Или информатор? В тюрьмах таких "козлов" всегда подсаживали к новичкам, чтобы те развязывали языки».

Я сосредоточился, вызывая перед глазами призрачную сетку интерфейса. «Следы истины» отозвались неохотно, словно нехотя просыпаясь после долгого сна. Вокруг Феофана заструилось едва заметное марево — мутное, сероватое, но без тех помех, которые обычно сопровождают намеренную ложь. Энергетические нити его ауры были спокойны, без резких выбросов. Страх висел вокруг него плотной, липкой пеленой.

— Чего сверлишь меня взглядом, Кирилл? — Дед приоткрыл один глаз, в котором мелькнула тень усмешки. — Уж не в иуды ли меня записал?

— Мысли читаешь? — буркнул я, не став отрицать очевидного.

— Рожу твою породистую читаю. У тебя сейчас лицо как у моего покойного пристава: тот тоже сначала в морду бил, а потом спрашивал, не скрываю ли я чего. Тебя, парень, насквозь видно. Слишком честный для мента. Слишком правильный.

Я вздохнул и активировал способность на полную мощь, вглядываясь в эманации до рези в глазах. Феофан был чист. Точнее, он был встревожен. Глубоко внутри него сидел липкий, холодный страх — не перед жандармами, а перед самим кварталом. Он не знал, почему его переводят. Это была случайность, бюрократическая ошибка или чья-то большая игра, в которой старик был лишь пешкой?

— Прости, Феофан. Профессия такая. — Я расслабил плечи, чувствуя, как напряжение отпускает мышцы.

— Профессия... — хмыкнул он, качая головой. — Ты теперь Меченый, сынок. Про прежнюю жизнь забудь. Здесь мы все — навоз для империи. Удобрение для колес прогресса, так сказать.

В этот момент фургон резко затормозил, и я едва не врезался головой в стену. Снаружи донеслись резкие выкрики, звяканье сбруи и тяжелый, ритмичный топот множества ног. Я прильнул к щели в стене, вглядываясь в проплывающий за решёткой мир.

Мы стояли на перекрестке. Петербург — или то, во что превратился этот город в данном мире, — поражал воображение. Над Невой, закованной в гранит, высились колоссы из

стали и стекла. Огромные дирижабли с гербами министерств медленно плыли над золочеными шпилями, отбрасывая на улицы густые, шевелящиеся тени. Паромобили всех мастей — от изящных фаэтонов до тяжелых грузовых платформ — заполняли пространство, окутывая все вокруг белесым паром, который клубился у мостовых, словно живой туман.

Но самое главное было впереди.

Улицу перекрыл кортеж. Впереди скакали казаки в черных черкесках, с винтовками за плечами и суровыми лицами, не выражающими ни единой эмоции. За ними катились три идентичных броневедомости, сверкающих лаком и хромом, их пулеметные башни медленно вращались, сканируя толпу.

В центральном экипаже, за толстым бронестеклом, я увидел двоих.

Николай II выглядел почти так же, как на фотографиях из моего мира: та же аккуратная бородка, тот же мягкий, чуть растерянный взгляд, словно он постоянно ожидал подвоха от собственных министров. Но он казался лишь бледной тенью человека, сидевшего рядом с ним.

Карл Майерс. Глава Ордена Оракулов.

Он был одет во фрак такого глубокого синего цвета, что тот казался почти черным, впитывающим свет. Его лицо, высеченное из холодного мрамора, не выражало ничего — ни эмоций, ни усталости. Но глаза... даже через стекло и разделяющее нас расстояние я почувствовал их силу. Золотистые зрачки, как у хищной птицы, смотрели сквозь толпу и металл нашего фургона, словно он видел не людей, а потоки вероятностей, сплетающиеся в узоры судеб.

Рядом со мной застонал Феофан. Он вжался в угол, прикрывая глаза ладонью, и его пальцы дрожали.

— Не смотри, парень. Оракулы — они как бездна. Если долго вглядываться, она начнет жрать тебя изнутри. Высосет всю волю, оставит пустую оболочку.

Кортеж промчался, оставив после себя лишь запах дорогого табака и дорожной пыли. Солдаты нацгвардии открыли проезд, и наш фургон дернулся вперед, направляясь в сторону Финского залива, в самое сердце тьмы.

Остров возник из тумана неожиданно, словно материализовался из воздуха. В моем мире его здесь не было — голая вода залива, усеянная мелкими необитаемыми скалами. Здесь же между берегом и Кронштадтом вырос искусственный аппендицит, скованный бетоном и сваями, уходящими в илистое дно.

— Остров Согласия, — с горькой иронией произнес Феофан. — В народе зовут «Пятаком». Раньше тут склады были, а потом Майерс велел город-тюрьму построить. Для тех, кого казнить жалко, а на воле держать опасно. Для тех, чья вина не доказана, но подозрения слишком весомы.

К острову вел колоссальный мост, напоминающий стальные кружева, сплетенные воедино. По нему, тяжело отдуваясь паром, курсировал поезд — всего один вагон, обшитый листами брони, с бойницами для стрельбы.

Нас вывели из фургона под холодный ветер с залива, который пробирал до костей, несмотря на плотную одежду. У въезда на мост стоял кордон жандармов, но командовали здесь не они. Посреди дороги, опершись на трость с набалдашником в виде глаза, стоял Оракул. Лет тридцати, с надменной улыбкой, которая не сходила с его губ.

Он долго сверял наши бумаги, периодически подходя к каждому и пристально глядя в лицо. Когда он остановился напротив меня, синяя «Печать вины» на моем лбу запульсировала тупой болью, словно живое существо, реагирующее на присутствие высшей силы. Система в голове выдала предупреждение: «Внешнее сканирование. Рекомендуется подавление эмоционального фона».

— Кирилл Лозовой... — протянул Оракул, смакуя мое имя, словно дорогое вино. — Талантливый инженер. Убийца детей. Как горько, что такой блестящий ум оказался во власти тьмы.

Я молчал, глядя ему прямо в переносицу, стараясь не моргать. Он ждал раскаяния, слез или мольбы. Вместо этого он увидел в моих глазах холодную пустоту опытного мента, который и не таких «пророков» в допросных колол, ломал и переигрывал.

— Посмотрим, как заговорит твоя гордыня на Пятаке. — Оракул скривился и махнул рукой конвою. — Грузите их.

Но мое внимание уже было приковано к то, что стояло у входа в вагон.

Механизм высотой в два человеческих роста. Громоздкий стальной корпус, напоминающий рыцарский доспех средневекового рыцаря, держался на мощных гидравлических опорах, которые с шипением регулировали высоту. Вместо головы — вращающийся барабан с оптическими линзами, которые поблескивали в тусклом свете, а вместо рук — спаренные пулеметы Гатлинга, готовые в любой момент извергнуть смерть. Из ранца на спине с шипением вырывались струйки пара, создавая вокруг машины ореол белого тумана.

— Паровой страж, — прошептал Феофан, крестясь. — Не ест, не спит, взятки не берет. Проверяет метку по ауре. Если дернешься в сторону без разрешения — превратит в фарш за три секунды. Пули у него калибра тридцать семь миллиметров, разрывные.

Оракул, заметив наш страх, ехидно добавил:

— Бежать бесполезно. В заливе — минные поля и катера с прожекторами. Вода ледяная, сердце станет через пять минут. Держись старика, Лозовой. Он знает, как не подохнуть в первый день.

Когда поезд тронулся по мосту, я приник к решетке вагона, глядя на проплывающие внизу серые воды залива. И тут произошло странное.

Мои глаза видели конструктивные особенности моста. Мозг сам собой начал вычислять нагрузку на опоры, определять напряжение в металлических фермах. «Заклепки не те, — мелькнула мысль. — Тут сказано, что сталь марки 4-бис, она на морском ветру корродирует быстрее. Коррозия пойдет по сварным швам через три года эксплуатации. А вот здесь механизм разводки... шестерни нужно смазывать каждые сто часов, иначе заклинит. И если заклинит в неподходящий момент, мост сложится, как карточный домик».

Я затряс головой, прогоняя наваждение. Это были не мои знания. Это просыпался Кирилл, который строил железную дорогу, пока его не подставили.

Я взглянул на свои руки. Пальцы помнили тяжесть разводного ключа и тепло чертежной бумаги. В моей голове сейчас жили двое: старый циничный мент из Москвы и гениальный инженер из параллельного Питера.

И это сочетание начало мне нравиться. Два человека в одном теле — это не слабость, а сила.

«Они подставили тебя, парень, — подумал я, обращаясь к тени прежнего владельца тела. — Ты залез куда-то не туда. Ты увидел то, что не предназначалось для глаз простого инженера. И я обещаю — мы выясним, кто за этим стоит».

Квартал Меченых встретил нас гулом и запахом гари. Это не была тюрьма в привычном понимании. За высокими стенами, увитыми колючей проволокой, раскинулся настоящий город, просто очень грязный и тесный. Здесь были свои улицы, мощенные булыжником, лавки с вывесками и даже рюмочные, из которых доносились пьяные песни. Единственное отличие — у каждого встречного на лбу горело синее клеймо, словно проклятие, выжженное на коже.

Кандалы с нас сняли прямо у ворот, и лязг металла, упавшего на землю, прозвучал как музыка.

— Свободны, — хохотнул усатый жандарм, сплевывая табак. — В пределах острова, разумеется. К одиннадцати — в комендатуру. Не придете — Стражи придут за вами сами. Не дай бог вам опоздать.

Мы с Феофаном побрели по главной улице, разглядывая окрестности. Народ здесь был тертый: хмурые работяги в замасленных робах, бывшие чиновники с испитыми лицами, какие-

то подозрительные личности, явно промышлявшие контрабандой. На нас косились, но не приставали — старый закон: новичков не жаловали, пока они не докажут, чего стоят.

— Куда сначала? — спросил я, чувствуя, как грязь чавкает под ногами.

— Душу надо успокоить, — вдруг тихо сказал Феофан. — Видишь?

Он указал на небольшую деревянную церковь, уютившуюся между двумя кирпичными бараками. Несмотря на общую запущенность квартала, она выглядела чистой и ухоженной. На куполе тускло блестел медный крест, а краска на стенах была свежей, без сколов.

— Церковь на острове смертников? — скептически хмыкнул я. — Ты серьезно? Думаешь, бог услышит нас здесь?

— Ты не понимаешь, Кирилл. Оракулы — они ведь тоже вроде как от Бога вещают. Только их Бог — холодный и расчетливый, как паровая машина. А здесь... здесь люди ищут другого. Тепла. Прощения. Зайдем.

Внутри было пусто и тихо. Пахло ладаном и дешевым воском, смешанным с запахом старого дерева. У алтаря я увидел мужчину. Он чистил подсвечники, тщательно натирая их до блеска. На вид ему было около пятидесяти — широкоплечий, со статной, военной выправкой, которую не могли скрыть ни поношенная ряса, ни седая борода.

Когда он обернулся, я невольно замер. На его лбу тоже сияла Печать, но она казалась менее яркой, словно выцветшей от времени.

— Можно, отче? — Феофан низко поклонился, коснувшись рукой пола.

— Дом Господень открыт всегда и для всех, — голос священника был глубоким и спокойным, как гул большого колокола.

Священник посмотрел на меня. Взгляд был прямой, оценивающий, словно он видел меня насквозь. Я не удержался и активировал «Следы истины».

Картинка перед глазами мигнула, накладываясь на реальность. Вокруг пастыря заструилось пламя — не лжи, а застарелой боли и... железа. Я увидел призрачные погоны генерала, услышал крики кавалерийской атаки и запах пороха. Увидел поле боя, залитое кровью, и фигуру этого человека, стоящего под пулями.

— Генерал-майор артиллерии? — непроизвольно вырвалось у меня, прежде чем я успел подумать.

Священник замер. Его рука на мгновение сжала подсвечник так, что металл жалобно скрипнул, оставляя на нем вмятины.

— У тебя острый глаз, юноша. И странный способ смотреть на людей. Ты видишь то, что скрыто. Меня зовут отец Александр.

— Профессиональное искажение. — Я постарался придать голосу максимум спокойствия, хотя сердце колотилось где-то в горле. — Как генерал оказался... в таком положении? Оракулы не прощают поражений?

Священник вздохнул и указал нам на скамью, сам сев напротив.

— Оракулы не прощают тех, кто ставит совесть выше приказа, сын мой. Я отказался расстреливать толпу мирных людей. Рабочих, которые требовали хлеба для своих детей. Оракул узрел в моих мыслях «преступный умысел против стабильности империи». Метка, суд, остров. Теперь я команду другим воинством. Паствой заблудших овец.

— И как вы к ним относитесь? — Я кивнул на его метку. — К тем, кто занял место правосудия? К Оракулам?

— Каждый дар — от Господа, — голос Александра звучал ровно, но в нем чувствовалась сталь. — Оракулы видят правду, это неоспоримо. Но правда — это не всегда истина. Они видят то, что есть в сердце сейчас, но не видят того, что человек может сделать по своей воле. Они превратили правосудие в математику, забыв о милосердии. И они люди, а люди ошибаются, а иногда и действуют по своим причинам... Все не без греха.

Он подошел ближе и заглянул мне в глаза, его взгляд был тяжелым, как прицел орудия.

— Ты не похож на простого заключенного, я таких повидал немало. Ты, другой, словно не от мира сего... Такой взгляд бывает у сумасшедших... или гениев.

— Это две крайности одной и той же сущности, — произвольно вырвалось у меня: очень уж хорошо фраза ложилась в диалог, не устоял я перед искушением блеснуть эрудицией.

— И обе эти крайности очень опасны... — священник не отводил от меня взгляда, словно пытаюсь проникнуть в самую душу.

Я почувствовал, как по спине бегут мурашки, холодные и неприятные.

— Для кого опасны? — Я нервно дернул подбородком, чувствуя, как напряжение сковывает челюсть.

— Это уже тебе решать... — Отец Александр отвернулся, давая понять, что беседа окончена. Он взял тряпку и продолжил натирать подсвечник, словно нас с Феофаном уже не существовало.

Мы ушли, оставив священника в тишине церкви. Я чувствовал, что этот генерал в рясе еще сыграет свою роль в этой истории. Такие люди не исчезают просто так.

Комендатура квартала располагалась в приземистом деревянном здании таможни, массивном сером строении с колоннами. Перед входом собралась внушительная толпа Меченых. Они что-то кричали, размахивали пустыми мисками и требовали увеличения пайка. В центре площади стоял старый паровой грузовик, на крыше которого возвышался человек.

Он был невысокого роста, рыжеватый, в изрядно потертом коричневом сюртуке с заплятанными локтями. Его руки в карманах брюк нервно подрагивали, но голос, когда он заговорил, перекрыл шум толпы, словно удар гонга.

— Товарищи! Позвольте, ну что же мы, право, как на базаре!

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Этот характерный прищур, эта энергичная жестикуляция, этот картавый выговор...

— Батенька, ваши требования по поводу рациона — это, несомненно, вопрос архиважный! Но поймите же, административный ресурс ограничен! Я передам ваши петиции начальству в Петербург, клянусь своими ботинками! А теперь — за работу, за работу, голубчики! Труд облагораживает и освобождает!

Толпа, поворчав, начала расходиться. Магия его голоса действовала на этих отщепенцев необъяснимым образом. Они ворчали, но слушались.

Человек спрыгнул с крыши автомобиля, вытирая пот со лба клетчатым платком. Увидев нас, он быстро направился навстречу, его шаги были энергичными и деловитыми.

— Новоприбывшие? Так-так, посмотрим.

Он достал из кармана список и сверился с ним, чуть щуря правый глаз. Его взгляд был острым, цепким, как у бухгалтера, проверяющего баланс.

— Лозовой и Малой? Прекрасно, прекрасно. Я — Владимир Ильич Ульянов, комендант этого... э-э... сомнительного заведения. Назначен Оракулами для обеспечения порядка и трудовой дисциплины.

Я смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова. В моем мире этот человек перевернул историю, возглавил революцию и изменил судьбу миллионов. Здесь он был... завхозом на каторге? Смотрителем тюрьмы?

— Что вы так смотрите, голубчик? — Ульянов чуть картавил, в точности как в исторических хрониках. — У меня на лице что-то написано? Ах, ну да, Метка. Мы тут все одной крови. Все под Богом ходим.

Он быстро зашагал к дверям комендатуры, жестом приглашая нас следовать за ним. В кабинете царил хаос из бумаг, чернильниц и каких-то схем, разложенных на столе в идеальном, с точки зрения Ульянова, порядке.

— Значит так, батенька Лозовой, — Ульянов уселся в кресло и начал лихорадочно писать на листке, его перо скрипело по бумаге. — Знаю вашу историю. Душегубство, насилие... Впрочем, здесь каждый второй — «жертва обстоятельств». Оракулы не ошибаются, так ведь?

Он поднял на меня взгляд, и в его глазах промелькнула искра — острая, умная, безжалостная. Это был взгляд человека, который видит дальше других, который просчитывает ходы на десять шагов вперед.

— Мы тут решили, что ваше инженерное образование не должно пропадать зря. Поселим вас в четвертом секторе, дом шесть. У западной стены. Завтра придете за распределением на объект. Нам как раз нужен специалист по котлам высокого давления на опреснителе. Товарищ ваш будет у вас в помощниках, чего внимание распылять?

Феофан меланхолично рассматривал ворох бумаг на столе. Ему-то было хорошо. Он выбрался из тесного каземата и теперь мог свободно ходить по улицам, пусть и за стеной, пусть и под прицелом пулеметов паровых охранников...

Владимир Ильич то и дело макал перо в огромную чернильницу из темного стекла. Я поймал себя на том, что жду, когда он откусит от чернильницы кусок, как на известной карикатуре, но нет, он просто возился с бумагами. А чернильница была вовсе не из хлеба, а из самого настоящего стекла.

— Свободны, товарищи. И помните — порядок на острове держится на моем терпении и на пулеметах стражей. Советую не испытывать ни то, ни другое. Дверь за собой прикройте.

Дом в четвертом секторе оказался покосившимся двухэтажным строением, которое пахло сыростью и старой побелкой. Нам выделили комнату на втором этаже, окна которой выходили на западную стену.

На первом этаже, судя по разобраннным кроватям и застарелому запаху пота и сажи тоже жили заключенные, но сейчас, видимо, они все были заняты на работах в дневную смену.

— Ну, вот и дома, — Феофан бросил свой тощий узел на кровать, подняв облако пыли. — Живые, и то хлеб. Спасибо, что не убили по дороге.

Я подошел к окну. С моста донеслось тяжелое «ух-ух» — прибывал очередной состав с новыми заключенными. В сумерках квартал казался особенно зловещим. Огни редких фонарей выхватывали силуэты людей, бредущих по щиколотку в грязи, и длинные тени паровых стражей, патрулирующих улицы.

Мир пара и магии. Империя, которая заковала правду в цепи и поставила на службу государству. И я, бывший мент, оказался в самом сердце этой тьмы.

— Ты зря так на Ульянова смотрел, — подал голос старик, развязывая свой узел. — Он парень непростой. Говорят, в Петербурге он какую-то подпольную газету издавал, пока Оракулы его прямо у печатного станка не взяли. Он на острове — как громоотвод. Жандармы его боятся, эки уважают.

— Я знаю, кто он такой, Феофан, — тихо ответил я, глядя в окно. — По крайней мере, кем он мог бы быть.

Я собирался прилечь, когда почувствовал странное покалывание в затылке. Способность «Следы истины» дернулась, выдавая сигнал тревоги.

Дверей в комнате не было — как, собственно, и в других помещениях. Только пустые проемы.

Я резко обернулся, одновременно нащупывая на столе тяжелую чернильницу — единственное доступное оружие. Мои пальцы сомкнулись на холодном стекле.

В дверях показался человек. В сумерках я не сразу разглядел его лицо, но фигура показалась знакомой.

— Кирилл? Это вы? — Я разжал пальцы, опуская чернильницу на стол. — Вы чего это удумали? — Илья Кобылов протер круглые очки, запотевшие от сырости. — Вас ж только

перевели сюда. За нападение на следователя сразу бы в расход пустили. Не успели оглянуться, а уже за чернильницу хватаетесь.

— Чего вам? — Я устало опустился на скрипучую кровать, пружины которой жалобно застонали под моим весом. — Нам завтра на смену, надо выспаться...

— Тут такое дело, — следователь замялся, в нерешительности поглядывая на колченогий стул — присесть я ему не предлагал. Он переминался с ноги на ногу, словно не зная, с чего начать.

— Чего тянешь-то, мил человек? — Феофан уже преспокойно растянулся на койке, заложив руки за голову. — Говори раз пришел. Не проведать же ты нас сюда явился. Небось, дело какое?

— Верно. — Илья все-таки решился и присел на стул, который жалобно скрипнул под его весом. — Нам помощь нужна ваша, Кирилл.

— Кому это вам? — Я пристально посмотрел на следователя, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

— Сыскному управлению, — быстро ответил парень. — Убийство произошло.

— Мне-то что? — Я лег и уставился в грязный потолок комнаты, на котором виднелись пятна плесени. — Я здесь сижу за убийство. Какое мне дело до ваших проблем?

— Погиб Тимофей Оплеткин. — Илья сделал паузу, явно рассчитывая, что яотреагирую на это имя.

Я, однако, лишь пожал плечами: мне это имя ни о чем не говорило. В голове царила пустота.

— Он работал с вами в одном депо, — продолжил Илья, а я чувствовал, как его взгляд сверлит меня, прожигает дыру в затылке. — Погиб при взрыве котла.

— Бывает, — протянул я, зевая. — Аварии случаются... Пар — дело опасное.

— Вот и Оракулы так же сказали — несчастный случай... Заключение уже подписано.

Я резко сел и со злостью посмотрел на Кобылова. Мои пальцы сжимались, словно я хотел схватить парня за горло.

— От меня чего хотите?

Кобылов продолжил с холодным профессиональным интересом смотреть на меня. Он был готов к такой реакции.

— Не верю я в такие совпадения, — голос Ильи был тверд, как сталь — сначала вы попадаете сюда, потом Оплеткин погибает, да еще так нелепо... Котел, который обслуживали по всем правилам... Мне никто не поверит, если я скажу, что это не несчастный случай.

— Ага, а если ваши слова подтвердит Меченый, то конечно же все сразу все поймут и осознают? — Я чуть ли не в голос рассмеялся.

— Нет, — спокойно ответил Илья, — но я докопаюсь до истины. Правда так или иначе выйдет наружу...

Я молчал примерно с минуту.

— Черт с вами. — Я лег обратно на кровать. — Помогу. Только вот есть одна сложность. Я Меченый и заперт на этом острове...

— Вот бумаги с приказом принудить вас к содействию следствию, как специалиста. — Илья достал из-за пазухи сверток.

— И Феофана возьмем? Прямо в город? — Я кивнул на старика.

— Ладно, возьмем, — после секундного раздумья кивнул Кобылов. — Завтра на рассвете у комендатуры.

— Хорошо. — Я отвернулся к стене.

— А зачем ты меня-то с собой берешь? — Феофан поднялся на локте и посмотрел на меня, когда шаги следователя затихли в коридоре.

— Каждому Холмсу нужен Ватсон, — ответил я.

— Чего? Кого? — Феофан вытаращил глаза, но я уже спал.

Глава 5. Ночь и день

Сон пришел неожиданно, тяжелый и липкий, как болотная жижа. Я провалился в него, едва голова коснулась подушки, и сразу же оказался в другом месте.

Вокруг была тьма. Не такая, что бывает в комнате без свечей, а живая, пульсирующая чернота. Она давила на глаза, проникала в легкие, заставляла сердце биться быстрее. Я стоял на чем-то твердом — камень, бетон, металл? — и не мог пошевелиться.

Потом из темноты выступили лица. Они появлялись одно за другим, словно маски на незримой нити. Бледные, вытянутые, с глубокими тенями под глазами. Рты их шевелились беззвучно, но я слышал голоса — сотни голосов, сливающихся в один монотонный гул.

— Виновен... — шептали они. — Виновен...

Я хотел закричать, сказать им, что они ошибаются, но горло сдавило невидимой петлей. Голоса становились громче, нарастали, как гул паровых машин перед взрывом.

Передо мной сомкнулась стена из рук. Десятки рук, сотни — тонкие пальцы, узловатые кисти, обожженные ладони. Они тянулись ко мне, хватали за одежду, за волосы, за кожу. Я чувствовал их холодное прикосновение, и от этого холода кровь стыла в жилах.

— Оставьте меня! — попытался выкрикнуть я, но из горла вырвался только хрип.

Картина изменилась. Я больше не стоял в темноте — я летел. Летел над землей, над бескрайними просторами Российской империи, видел ее сверху: леса, реки, города, аккуратные квадраты полей. Все это было объято огнем.

Города полыхали, как гигантские костры. Языки пламени вздымались к небу, пожирая деревянные дома и каменные соборы. Люди бежали по улицам, падали, сгорали заживо. Я слышал их крики, чувствовал запах гари и паленой плоти.

А в центре этого апокалипсиса, там, где огонь был самым ярким, стояли Оракулы. Их силуэты возвышались над разрушением, и синие нити — те самые, что я видел в воспоминаниях Кирилла — тянулись от них на Восток. Нити превращались в бикфордов шнур, шипящий и искрящийся. Огромный взрыв поднялся над землей, разрывая небо и землю на части...

— Нет!

Я вскочил с постели, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле, грозя вырваться наружу. Рубашка прилипла к телу, мокрая от пота. В комнате было темно, лишь тонкий луч лунного света пробивался сквозь зарешеченное окно, вычерчивая на полу бледную полосу.

— Тьфу ты, черт... — прошептал я, проводя дрожащей рукой по лицу. — Что это было?

Кошмар. Просто кошмар. Но такой реалистичный, такой осязаемый, что я до сих пор чувствовал запах гари в ноздрах. И эти нити... Они тянулись на Восток. Туда, где по словам Елизаветы, готовится теракт. Где проедет император.

Я попытался успокоить дыхание, считая про себя до десяти. Не помогло. Сердце все еще бухало, как паровой молот. В горле пересохло, голова гудела.

Спать больше не хотелось. Совсем. Каждый раз, стоило мне закрыть глаза, я видел эти лица, эти руки и этот огонь.

— Ладно... — решил я, вставая с кровати. — Проветрюсь.

Никто не запрещал Меченым гулять по кварталу ночью. Запретов вообще было немного: не покидать остров, не нападать на охрану, не устраивать бунтов. В остальном — полная свобода. «Свобода умирать, как хочешь», — усмехнулся я про себя, вспомнив старую присказку.

Я накинул куртку, сунул ноги в сапоги и вышел из барака. Ночной воздух ударил в лицо, свежий и прохладный после спертых духоты помещения. Я глубоко вздохнул, чувствуя, как легкие наполняются чистым, насколько это возможно в мире угля, кислородом.

Остров Меченых жил своей жизнью. В темноте, при свете редких газовых фонарей, он казался совсем другим — не тюрьмой, а каким-то странным, сюрреалистическим городком. Из распахнутых окон доносились обрывки разговоров, чей-то пьяный смех, брань. В подворотнях кучковались темные фигуры — кто-то играл в кости, кто-то просто перетирал что-то, сбившись в тесный кружок.

Я шел по главной улице, разглядывая вывески. «Трактир "Усталый пахарь"», «Пивная "Паровая тяга"», «Кабаре "Синий фонарь"». Последнее привлекло мое внимание. Из-за его дверей доносилась музыка — надрывная, цыганская, с переборами гитары и залившимся пением. Свет из окон лился на мостовую, выхватывая из темноты фигуру здорового детины в фуражке — вышибала.

Я подошел ближе. Музыка манила, обещая хоть какое-то отвлечение от кошмаров и мыслей. Да и любопытство разбирало: что там, внутри этого «Синего фонаря»?

— Стоять. — Вышибала преградил мне путь рукой, похожей на ковш экскаватора. — Закрыто.

— Как это — закрыто? — удивился я. — Музыка играет, свет горит. Для кого же открыто?

— Не твоего ума дело, Меченый, — лениво ответил детина, сверкнув глазами. — Вали отсюда, пока цел.

Я хмыкнул. Вот тебе и «свобода». Для избранных. Что-то мне подсказывало, что внутри происходит нечто большее, чем просто пьянка. Слишком уж упорно меня не пускали.

— Ладно, понял, — миролюбиво сказал я, разворачиваясь.

Но уходить не собирался. Вместо этого я обогнул здание, держась в тени, и подобрался к одному из окон. Стекла были мутными, но кое-что разглядеть можно было.

Внутри кабаре было накурено. Сквозь сизую пелену я увидел длинные столы, заставленные бутылками и тарелками. За ними сидели люди — человек двадцать, не меньше. Все в одежде Меченых, но держались они не как простые эки. Было в их позах, в их напряженных лицах что-то... другое. Собранность. Целеустремленность.

В центре этого собрания стоял комендант — Владимир Ульянов. Он не сидел, а стоял, опершись руками на стол, и говорил. Я не слышал слов, только видел, как шевелятся его губы, как он жестикулирует, как его слушатели кивают, не сводя с него глаз.

— Так-так... — прошептал я, прижимаясь к стене. — Вот ты чем тут занимаешься, товарищ комендант.

Это явно было не просто совещание. Это был заговор. Я вспомнил слова Феофана: «Ульянов — опасный человек». Похоже, старик был прав. Ульянов что-то замышлял. И это «что-то» явно было связано с тем, что я слышал в кабаре: «недолго осталось», «диверсия», «придет наше время».

Я так увлекся наблюдением, что забыл об осторожности. Сзади послышался тяжелый шаг, и прежде чем я успел обернуться, чья-то рука схватила меня за шиворот и оторвала от земли.

— А я тебя предупреждал, шенок! — прорычал тот самый вышибала, трясая меня, как куклу. — Подглядывать вздумал?

— Отпусти! — прохрипел я, пытаюсь вырваться. — Я просто гулял!

— Гулял он! — Детина засмеялся, и от его смеха повеяло могильным холодом. — Сейчас я тебе устрою прогулку. Прямоком к праотцам.

Он сжал мою шею своей огромной лапищей. Я захрипел, хватаясь за его руку, пытаюсь разжать пальцы. Но он был слишком силен. Легкие жгло огнем, перед глазами поплыли круги.

— Отпусти его.

Голос прозвучал негромко, но в нем была такая сталь, что вышибала замер. Я скосил глаза. Рядом стояла Елизавета. Надзирательница из «Серой ветки». Она стояла в нескольких шагах, и в руке ее был направлен на вышибалу пистолет.

— А ты еще кто такая? — Вышибала скривился, но руку немного ослабил. — Охрана? Вали отсюда, пока я тебя...

— Ты слышал, что я сказала, — перебила его Елизавета, и голос ее стал холоднее льда. — Отпусти его. Или я выстрелю.

Вышибала посмотрел на пистолет, потом на нее, потом снова на пистолет. Видимо, оценил серьезность намерений. Он с отвращением разжал пальцы, и я рухнул на землю, хватая ртом воздух.

— Еще раз тебя здесь увижу, ублюдок, — прошипел он мне, разворачиваясь и уходя обратно к входу. — Прибью.

Я поднялся на ноги, потирая шею. Кашлянул, сплюнул.

— Спасибо, — сказал я, глядя на Елизавету. — Вовремя ты...

— Не стоит. — Она убрала пистолет в кобуру под пальто. — Что ты здесь делаешь?

В ее голосе слышалось не столько любопытство, сколько подозрение. И это было правильно. Я бы на ее месте тоже подозревал.

— Гуляю, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Не спится. А ты? Ты-то как здесь оказалась?

— Повысили, — коротко ответила она. — Перевели сюда, в охрану острова.

Я усмехнулся.

— Повысили? Из тюрьмы на остров смертников? Сомнительное повышение.

— Не твое дело, — отрезала она, но я заметил, как дрогнули ее губы. — Ты не ответил. Что ты делал у окна?

Я помолчал, решая, что сказать. Врать ей было бесполезно — моя способность все равно показала бы, что я говорю неправду. Но и говорить правду... Слишком рискованно.

— Любопытно стало, — сказал я, пожимая плечами. — Музыка играет, а меня не пускают. Решил посмотреть, что там такое.

— И что ты увидел? — спросила она, прищурившись.

— Ничего особенного, — соврал я, и тут же почувствовал, как внутри кольнуло. — Пьянка какая-то.

Елизавета смотрела на меня долго, пронзительно. Я выдержал ее взгляд. Наконец она кивнула.

— Ладно. Пойдем. Пока тот амбал не очухался и не нажаловался коменданту.

— Куда? — спросил я.

— Внутрь. — Она кивнула на черный вход кабаре. — Раз уж ты так хотел посмотреть — посмотришь. Только молчи и делай, что я скажу.

Я удивился, но спорить не стал. Мы прокрались к двери, Елизавета достала из волос шпильку и быстро вскрыла хлипкий замок.

Интересно, откуда у нее такие таланты?

Внутри кабаре оказалось еще более шумным и дымным, чем казалось снаружи. Воздух был спертый, пропитанным запахом дешевого табака, пота и перегара. Цыганская музыка гремела так, что закладывало уши. За столиками сидели Меченые, пили, играли в карты, громко переговаривались.

Мы с Елизаветой, стараясь не привлекать внимания, проскользнули между столиками и забились в угол, откуда был хорошо виден центр зала. Там, за тем самым длинным столом, все еще сидел Ульянов. Его собеседники теперь не просто слушали — они горячо спорили, размахивая руками.

Я напряг слух, пытаясь разобрать слова сквозь шум.

— ...нельзя больше ждать! — донеслось до меня. — Каждый день промедления — это десятки жизней!

— Тише, — осадил его Ульянов. — Не здесь.

— А где? — возразил другой голос. — Время пришло. Диверсия на магистрали — это только начало. Когда поезд взлетит на воздух...

— Я сказал — тихо! — Ульянов стукнул кулаком по столу. — Не сейчас и не здесь!

Я затаил дыхание. Диверсия на магистрали? Императорский поезд? Это то самое, о чем говорилось в чертежах, которые передала мне Елизавета? Похоже, я попал в самое сердце заговора.

Ульянов вдруг замолчал и резко повернул голову. Его глаза, холодные и цепкие, уставились прямо в наш угол. Он нас увидел.

— Ах ты ж... — выдохнул я.

— Проклятье, — процедила Елизавета.

Из-за стола поднялись сразу несколько человек. Они двинулись к нам, раздвигая толпу. Ульянов шел впереди, и на лице его не было ни удивления, ни злости. Только холодная, спокойная решимость.

— Ну, здравствуй, Кирилл, — сказал он, останавливаясь перед мной. — А я думал, ты умнее.

— Я просто... — начал я.

— Молчать, — оборвал он меня. — Обыскать.

Двое здоровяков схватили меня и Елизавету, быстро и грубо обыскали. У меня ничего не было, у Елизаветы забрали пистолет.

— Господин комендант. — Елизавета попыталась говорить спокойно, но в голосе ее дрожала сталь. — Я сотрудник охраны. Вы не имеете права...

— Я здесь имею право на все, — перебил ее Ульянов. — Но тебя, девушка, я не трону. Ты выполняла свою работу. А вот твой спутник...

Он перевел взгляд на меня.

— Никто не будет искать Меченого, Кирилл. Ты это знаешь. Для того и создан этот остров — чтобы правительству не было нужды нас казнить. Мы сами себя уничтожаем. Ты просто исчезнешь. Никто и не заметит. Ты ведь не думал, что здесь что-то вроде курорта? Что тут сидят те, кто Оракулам полезен, кого они «помиловали»? Нет, это просто банка с пауками, закрытая бочка с крысами... но знаешь, что бывает если крыс запереть вот так? Они поубивают друг друга. В конце останется только один. Крысиный лев.

— Я ничего не слышал, — сказал я, глядя ему в глаза. — Я гулял, увидел свет, зашел. Все. Ульянов усмехнулся.

— Может быть. Но я не могу рисковать. Приведите охранника, который пропустил чужаков.

Один из его людей кивнул и выбежал на улицу. Через минуту он вернулся, бледный как полотно.

— Владимир Ильич... — голос его дрожал. — Он мертв.

— Что? — Ульянов нахмурился. — Как мертв?

— Голову ему проломили. Лежит на посту.

Все взгляды обратились на меня. В них читался приговор.

— Ну что ж, Кирилл. — Ульянов покачал головой. — Теперь тебе точно конец. Федора на тебя повесят. Или мы сами тебя прикончим, чтобы не ждать.

— Я не убивал его, — сказал я твердо. — Я только что пришел в себя после того, как он меня чуть не задушил. У меня не было времени.

— Твои слова ничего не значат, — холодно ответил Ульянов.

Я закрыл глаза. В голове пульсировала мысль: «След истины». Я должен был это сделать. Должен был доказать, что я не убийца.

Я открыл глаза и сосредоточился. Перед внутренним взором всплыла комната, охранник, Елизавета с пистолетом. А потом — следы. Словно светящиеся нити, они тянулись от тела охранника в темноту, за пределы кабаре.

— Я могу найти убийцу, — сказал я, глядя на Ульянова.

— Что? — Он удивленно поднял бровь.

— Я могу найти того, кто это сделал. Дайте мне десять минут.

Ульянов смотрел на меня долго, изучающе. Потом кивнул.

— Хорошо. Десять минут. И если ты не найдешь...

Он не договорил, но я и так понял.

Я двинулся вперед, ведомый невидимой нитью. Она тянулась через зал, через черный вход, через пустырь, заставленный ржавыми бочками. Я шел быстро, не оглядываясь. За мной следовали Ульянов и Елизавета.

Нить привела меня к старому барaku на окраине квартала. Дверь была приоткрыта. Я толкнул ее и вошел внутрь.

Внутри было темно и сыро. Пахло плесенью и гнилью. В углу, на куче тряпья, сидела женщина. Молодая, с растрепанными волосами и дикими, испуганными глазами. На ее руках была кровь.

— Это она, — сказал я, указывая на нее.

Женщина вскрикнула и забилась в угол, закрывая лицо руками.

— Не надо! — закричала она. — Не подходите!

Ульянов шагнул вперед.

— Это ты убила Федора? — спросил он жестко.

Женщина разрыдалась.

— Да... я... — всхлипывала она. — Он приходил ко мне... каждую ночь... он бил меня... насиловал... Я пришла сегодня к кабаре, хотела поговорить с вами, Владимир Ильич... чтобы вы урезонили его... А он лежал без сознания... Я не сдержалась... Я ударила его... камнем... Я не хотела... но он мучил меня...

Она говорила сбивчиво, захлебываясь слезами. Я смотрел на нее и не чувствовал ничего. Только пустоту. Передо мной была не преступница. Передо мной была жертва, которая защищалась.

Ульянов молчал. Потом повернулся ко мне.

— Ну что, сыщик? Что скажешь? По закону ее надо отдать охране.

Я посмотрел на Елизавету. Она стояла, скрестив руки на груди, и в ее глазах я читал то же, что чувствовал сам.

— Закон и справедливость — не всегда одно и то же, — сказал я тихо. — Она защищалась. Она не убийца.

Ульянов усмехнулся.

— Ты думаешь, я не знаю? Думаешь, я не видел, что творит эта охрана? — Он вздохнул. — Ладно. Эту женщину я не трону. И жандармам не отдам. Скажем, что Федор сорвался с моста и утонул. Бывает.

Женщина подняла на него заплаканные глаза.

— Спасибо... спасибо...

— Убирайся, — сказал ей Ульянов. — И чтобы я тебя больше не видел. И ты, Кирилл, тоже убирайся. Забудь все, что видел и слышал сегодня. Это тебя не касается. Спасай свою жизнь, если можешь.

Я кивнул и вышел из барака. Елизавета последовала за мной.

— Ты рисковал, — сказала она, когда мы отошли подальше. — Он мог тебя убить. Ульянов...

— Мог, — согласился я. — Но не убил.

— Повезло.
— Не без твоей помощи.
Она хмыкнула.
— Будь осторожен, Кирилл.

Мы расстались у старого газового фонаря на перекрестке. Я проводил Елизавету взглядом, чувствуя странную смесь благодарности и тревоги. Она была опасной. Слишком опасной для простого надзирателя. Появилась из ниоткуда, пропала без следа. Всегда появляется в нужный момент.

Я вернулся в барак. В коридоре горела тусклая керосиновая лампа, бросая на стены длинные, дрожащие тени. Я прошел мимо общей комнаты, где кто-то храпел так, что стены дрожали. Феофан спал на своей койке, свернувшись калачиком и что-то бормоча во сне. Я лег, но сон не шел.

Перед глазами стояли лица из кошмара. Лица, которые обвиняли меня. Лица, которые горели в огне. Я снова и снова прокручивал в голове услышанное в кабаре. «Диверсия на магистральной», «Императорский поезд». Ульянов явно готовил что-то масштабное. И мое появление могло все испортить. Или, наоборот, помочь нам.

Утро встретило меня серым, свинцовым небом и мелким, противным дождем. Я стоял у ворот комендатуры, кутаясь в куртку, и ждал. Рядом со мной переминался с ноги на ногу Феофан, которого я разбудил ни свет ни заря.

— Ну и куда мы, сыщик? — ворчал старик, кутаясь в свой драный тулуп. — Не дал человеку досмотреть сны. Мне, знаешь ли, снилось, что я молодой и при деньгах. И женщина была — кровь с молоком. А ты меня вытащил под этот дождь.

— На работу, Феофан, — ответил я, пытаюсь стряхнуть воду с воротника. — Настоящую работу. Не век же нам на острове гнить.

— Работа, — проворчал он. — Слышал я уже про твою работу. Кончится она тем, что нас обоих повесят. Ты хоть знаешь, куда мы едем?

— Знаю. В Сыскное управление.

Феофан присвистнул.

— Вот это да. Из камеры — прямо в полицию. Ты, случаем, не родственник какому-нибудь великому князю?

— Нет. Просто у меня хороший адвокат.

— Адвокат у него, — фыркнул Феофан. — Илья Кобылов — твой «адвокат»? Он всего-то следователь в сыском. Мелкая сошка, прет против системы, против Оракулов. Его завтра выгонят, и мы с тобой обратно на остров попадем. Прямо в петлю. Насмотрелся я на тамошние порядки. Это совсем не то, что в тюрьме рассказывали. Кокнут нас там и забудут.

— Не каркай, старик. Если хочешь — оставайся здесь. — Я пожал плечами.

— Ну, уж нет, — мотнул головой Малой, — я достаточно провел времени в застенках. Теперь ради глотка свободного воздуха я готов рискнуть всем. Тем более, чем черт не шутит, вдруг дельце выгорит?

Из комендатуры появился Кобылов. Он был возбужден и радостен, как щенок, увидевший хозяина.

— Кирилл! Феофан! — закричал он, размахивая бумагами. — Все готово! Комендант подписал! Вы теперь мои... то есть, наши!

Он вручил нам два свертка. Внутри оказались комплекты чистой одежды — добротные тужурки, брюки, сапоги. И фуражки. С широкими козырьками, чтобы прикрыть метки на лбах.

— Надевайте, — скомандовал Кобылов. — И поехали. В Сыскное управление.

— В Сыскное? — улыбнулся я, нахлобучивая фуражку. Она была новой, пахла сукном и краской. — Мы будем работать в полиции?

— В некотором роде. — Кобылов загадочно улыбнулся. — Садитесь, по пути расскажу.

На пропускном пункте нас уже поджидал паровоз, пыхтя паром и подрагивая на рельсах.

Я смотрел, как удаляется остров, вода под нами казалась серой и холодной. Я покидал это место на время. Но я знал, что вернусь. Ульянов и его заговор никуда не делись.

— Я договорился с начальником управления, — говорил Кобылов, покачиваясь на сиденье. — Статский советник Турских. Он не верит Оракулам. Говорит, что они опираются не на доказательства, а на слова. И ему нужен человек, который умеет думать. Который умеет видеть правду.

— И он согласился взять Меченого? — спросил я.

— Не Меченого, — поправил меня Кобылов. — Специалиста. Ты будешь числиться внештатным консультантом. Будешь помогать мне в расследовании. А я буду помогать тебе с твоим делом.

Я посмотрел на Феофана. Старик сидел с закрытыми глазами, но я видел, что он не спит, а слушает, впитывая каждое слово.

— А что будет с ним? — спросил я, кивая на Феофана.

— Он будет твоим помощником. Секретарем, писарем, кем скажешь. Он много знает о преступном мире. Пригодится.

Феофан открыл один глаз.

— Я-то пригожусь, — проворчал он. — А вот ты, сыщик, смотри, не подведи. Я на тебя ставку сделал.

— Не подведу, — пообещал я.

Прибыли мы к массивному зданию из темно-серого камня. Над входом висела вывеска: «Главное Сыскное управление». Я вышел из экипажа и поднялся по ступеням. Сердце билось ровно, спокойно.

Я снова был на работе.

Внутри пахло так, как пахнет в любом полицейском участке любого мира — потом, табаком, канцелярией и безнадегой. Я прошел по коридору, и каждый шаг отдавался в груди знакомым эхом.

— Сто лет прошло, — прошептал я, — а ничего не изменилось.

Кобылов привел нас в кабинет начальника. За массивным дубовым столом сидел пожилой мужчина с седыми висками и усталыми глазами. Он поднял голову, когда мы вошли, и окинул меня цепким взглядом.

— Статский советник Борис Людвигович Турских, — представился он, вставая. — Рад познакомиться, господин Лозовой. Или мне называть вас Кириллом? Илья рассказал мне о вашей помощи следствию во время инцидента в тюрьме. Надеюсь здесь ваши способности тоже принесут пользу.

— Зовите как удобно, — ответил я. — Я тоже надеюсь, что смогу разобраться в деле: это и в моих интересах тоже.

Турских усмехнулся.

— Илья говорит, вы умеете находить правду там, где другие заходят в тупик.

— Я стараюсь.

— Это хорошо. — Турских сел обратно в кресло. — Потому что мне нужен человек, который не боится смотреть правде в глаза. Даже если эта правда неудобна для некоторых... влиятельных людей.

Он сделал паузу, взял со стола серебряный портсигар, щелкнул крышкой и закурил папиросу, выпустив струю дыма в потолок.

— Вы знаете, что Оракулы признали ваше дело «закрытым»? Они не собираются его пересматривать. Они считают, что вы виновны, и точка. Но я... я не верю им. Я никогда не верил в их непогрешимость.

— Почему? — спросил я.

— Потому что я видел, как они ошибаются, — ответил Турских, и в его голосе послышалась горечь. — Я видел, как они ломают судьбы невиновных людей. И я хочу это изменить. Но для этого мне нужны доказательства. Настоящие, материальные доказательства, а не слова, подкрепленные синим сиянием.

— Я помогу вам, — сказал я. — Найду доказательства.

— Я надеюсь на это. — Турских кивнул. — Илья введет вас в курс дела. А пока... устривайтесь. Кабинет вам выделили. Он небольшой, но это лучше, чем камера.

Он протянул мне руку. Я пожал ее.

— Добро пожаловать в Сыскное, господин Лозовой. Надеюсь, мы сработаемся.

— Я тоже, — ответил я.

Мы вышли из кабинета. Кобылов повел нас по коридору, открыл дверь в маленькую, пыльную комнатку с одним длинным столом. В углу комнаты были свалены в кучу стулья.

— Вот ваше рабочее место, — сказал он. — Располагайтесь. Завтра начнем. На остров вам пока возвращаться не нужно.

— А ночевать-то где? — Феофан обеспокоенно заерзал на стуле, который взял себе из кучи. — Харчи опять же. Нам без харчей нельзя никак.

— Пожить можете у меня дома. — Илья немного смутился. — Если вы не против, конечно. Маменька будет рада гостям...

— Конечно мы не против, — ответил я, — надеюсь, мы не станем обузой.

— Тогда пока ознакомьтесь с материалами дела, а потом поедem отдыхать, — кивнул Илья и вышел из кабинета.

Я подошел к окну. Из него открывался вид на город — серый, дымный, с коптящими трубами заводов. Где-то здесь живет настоящий убийца Аглаи. Где-то в этом городе Оракулы плетут свои интриги.

— Завтра, — прошептал я, глядя в окно. — Завтра я начну охоту.

Феофан, кряхтя, покачивался на стуле.

— Ну что, сыщик? — сказал он. — С почином тебя.

— Спасибо, Феофан, — ответил я, не оборачиваясь.

Я смотрел на город, на его огни, на его тени, и чувствовал, как внутри закипает азарт. Тот самый, который я испытывал каждый раз, когда брался за новое дело.

— Я разберусь, что тут происходит, — прошептал я. — Найду убийцу и предотвращу теракт.

За окном завыл паровой гудок, возвещая конец трудового дня. Только не для меня. Куча бумаг ждала своего часа.

Глава 6. Взгляд в прошлое

За всю свою жизнь — и ту, что оборвалась в рабочем кабинете, и эту, новую, начавшуюся с каменной клетки и Печати вины на лбу, — я понял одну простую истину. Самое страшное в любом расследовании — это не трупы, не кровь и не жестокость, с которой человек способен расправиться с себе подобным. Самое страшное — это ждать. Ждать, пока сработает бюрократическая машина, пока созреет начальство, пока преступник допустит ошибку. Ждать, когда время, этот неумолимый палач, отсчитывает последние часы твоей свободы или жизни.

И сейчас, сидя в пропахшей паром и машинным маслом карете Сыскального управления, которая везла нас по брусчатке Васильевского острова, я ждал. Ждал и смотрел на проплывающие за окном дома, на прохожих, кутающихся в пальто от сырого балтийского ветра, на редкие паровые экипажи, пыхтящие и выбрасывающие в серое небо клубы белого дыма. Мир, в котором я очутился, был полон противоречий. С одной стороны — имперская роскошь, паровые технологии, доведенные до уровня магии, Оракулы, видящие ложь. С другой — грязь, нищета окраин и полное бесправие перед теми, кто носит на груди знак всевидящего ока.

Феофан дремал на сиденье напротив, сложив руки на животе. Форма пусть и была ему в пору, все же казалась совершенно чужеродным предметом в его гардеробе. Вот не верилось, что он работает в полиции и все тут. Но старик, казалось, чувствовал себя хозяином положения. Он вообще умел устраиваться в жизни с комфортом, недоступным простому смертному. Двенадцать лет в тюрьме «Серая ветка» не сломили его, а закалили, превратив в философа, циника и незаменимого проводника по этому безумному миру.

Илья сидел рядом со мной, нервно постукивая пальцами по колену. Молодой следователь явно переживал. Еще бы. Привести в дом к матери двух каторжников, а одного так и вовсе с Печатью вины на лбу, — это поступок, граничащий с безумием даже для отпрыска уважаемого, пусть и покойного, следователя. Но Илья верил мне. Или, вернее, верил в мою способность докопаться до истины. Эта вера сейчас была единственной валютой, которая имела хождение в моем положении.

— Волнуешься? — спросил я, переходя с Ильей на «ты», но головы не повернул.

Илья вздрогнул.

— Есть немного. Матушка моя, Эллада Калиоповна... она женщина прямая. И очень проницательная. Ее не обманешь ни чинами, ни званиями, ни даже этими проклятыми Печатами. — Он покосился на мой лоб, скрытый низко надвинутой фуражкой. — Но ты ей понаравишься. Я уверен.

— Понравлюсь? — усмехнулся я. — С меткой убийцы на лбу? Сомнительный комплимент для матери.

— Ты не убивал, — твердо сказал Илья. — И она это почувствует.

Феофан, не открывая глаз, хмыкнул.

— Женская интуиция — инструмент посильнее любого Оракульского жезла, парень. Не ссы. Ежели твоя матушка и впрямь была звездой сцены, она людей насквозь видит. Артисты, они всегда чувствуют фальшь.

Карета свернула на тихую улочку, застроенную двухэтажными флигелями, и остановилась у кованой ограды. Дом Кобыловых был небольшим, но добротным. Кирпичные стены, увитые плющом, чисто вымытые окна, медная табличка у калитки. Островок стабильности и уюта в море хаоса.

Мы вышли. Я поправил фуражку, глубоко вздохнул и первым шагнул к крыльцу. Илья обогнал меня, отпер дверь и жестом пригласил внутрь.

В прихожей пахло выпечкой и сушеными травами. Уютный свет масляной лампы освещал вешалку с пальто, старую тумбочку и большое зеркало в потемневшей от времени раме.

Я мельком глянул на свое отражение и в очередной раз поразился тому, как чужое тело стало моим. Худощавый молодой человек с темными, слегка выющимися волосами, острыми скулами и усталыми, но цепкими глазами. И синяя, пульсирующая Печать вины, перечеркнувшая лоб. Я поспешно отвернулся.

— Матушка! — позвал Илья. — Мы дома!

Дверь в гостиную отворилась, и на пороге появилась женщина, при виде которой у меня на мгновение перехватило дыхание. Эллада Калиоповна Кобылова была не просто красива. Она была величественна. Высокая, статная, с гордой осанкой, которую не смогли сломить ни годы, ни вдовство. Ее серебристые волосы были убраны в высокую прическу, открывая точеную шею и благородные черты лица. Глаза — яркие, живые, цвета темного янтаря — смотрели на нас с цепким любопытством.

Я по многолетней привычке, выработанной еще в Московском управлении, снял фуражку и тут же внутренне похолодел. Черт! Метка! Она же сейчас...

Эллада Калиоповна перевела взгляд на мой лоб. Я приготовился к крику, к ужасу, к требованию немедленно покинуть ее дом. Но ничего этого не последовало. Она лишь чуть прищурилась, словно оценивая качество ткани на нерадивом портном, и едва заметно кивнула каким-то своим мыслям.

— Илья, — произнесла она голосом, напоминающим звук виолончели, — ты мог предупредить, что приведешь гостей. Я бы приготовила больше пирогов.

И все. Ни слова о Печати. Ни тени страха или отвращения. Она повернулась к Феофану, окинула его взглядом и улыбнулась уголками губ.

— Матушка, это Кирилл и Феофан. Они проживут некоторое время у нас. Мы будем работать вместе над одним делом.

— Илья, надо же было предупредить, что ты будешь не один. Я бы стол накрыла, а так нам же гостей и угостить-то нечем.

— Я уверен, что-нибудь найдется, — улыбнулся Кобылов.

Феофан, который обычно не лез за словом в карман, на мгновение опешил. Он явно не ожидал такого приема. Но быстро взял себя в руки и отвесил галантный, хоть и слегка неуклюжий поклон.

— Он самый, матушка-барыня. Гроза не гроза, а словом острым обидеть могу. Только вы уж простите великодушно, вид у меня неподобающий. С вашего позволения, я руки с дороги помою, а то мне за стол садиться совестно.

— Вас проводят, — кивнула Эллада Калиоповна и хлопнула в ладоши. Откуда-то из глубины дома появилась тихая служанка в переднике. — Катя покажет вам умывальную комнату.

Когда Феофан удалился, Эллада подошла ко мне. Я стоял, комкая в руках фуражку, и чувствовал себя провинившимся школьником. Она была выше меня на полголовы. Ее взгляд скользнул по моему лицу, задержался на Печати, а затем она протянула мне руку.

— Эллада Калиоповна, — представилась она так, будто мы встретились на великосветском рауте.

Я аккуратно пожал ее тонкие, но сильные пальцы.

— Кирилл... Андрей Волков. Но здесь я известен как Кирилл. Меченый.

— А вы словно маску носите, только те, что не снять. А внутри кто же вы? Не похожи вы на преступника, скорее наоборот. Такой же взгляд был у отца Ильи...

Столовая во флигеле Кобыловых была под стать хозяйке — элегантная, но без показной роскоши. Тяжелые шторы, старинный буфет с фарфором, большой овальный стол, накрытый белоснежной скатертью. Мы расселись. Я — напротив Ильи, Феофан — по правую руку от хозяйки. Служанка подала супницу, и по комнате поплыл аромат грибного бульона.

— Рассказывайте, — велела Эллада Калиоповна, пока служанка разливала суп. — Илья в последнем письме был весьма скуп на подробности. Его отец был таким же. «Расследование продвигается, детали сообщить не могу». Мужчины! Вы все одинаковы.

Илья смущенно улыбнулся.

— Матушка, ты же знаешь, я не могу разглашать...

— Ой, брось! — изящным жестом отмахнулась Эллада Калиоповна. — Я тридцать лет была женой следователя. И двадцать из них — матерью следователя. Я умею хранить тайны. — Она перевела взгляд на меня. — К тому же, я хочу услышать все из первых уст. Как вы здесь оказались, Кирилл? Илья сказал, вы невиновны...

Я отложил ложку. Аппетит пропал. Воспоминания о той духоте, о боли в сердце, о темноте, которая сменилась голосом: «Я не убивал...», нахлынули с новой силой.

— Так точно, — подтвердил я. — Это может показаться бредом, но... В прошлой жизни я был следователем. Двадцать лет прослужил. А потом умер. Сердце остановилось. И очнулся в камере, в теле человека, осужденного за убийство, которого он не совершал.

Эллада Калиоповна слушала, не перебивая. Ее янтарные глаза смотрели на меня с вниманием и странной, неизъяснимой печалью. На словах о другом мире тонкие брови ее изогнулись, но потом лицо снова разгладилось. Почему-то вопросы она задавать не стала.

— И вы решили найти настоящего убийцу?

— Это единственный способ очистить имя Кирилла и выжить самому, — кивнул я. — Вы, как будто, совсем не удивились моим словам.

— Я много лет путешествовала по миру, много чего повидала. Так что удивляться не стану. Нет, это конечно поразительно, но жизнь — очень странная штука. Судьба порой ведет нас очень необычными тропами и сталкивает со столь же необычными людьми. У вас благородная цель, — задумчиво произнесла она. — Мой муж, Григорий, тоже был из таких. Не мог спать спокойно, если знал, что правда где-то рядом, но не найдена. Эта правда его и погубила.

В столовой повисла тишина. Слышно было только, как Феофан с наслаждением хлебает суп. Эллада Калиоповна вздохнула, отставила тарелку и начала свой рассказ.

— Я родилась в Вильно. Мой отец был обрусевшим литовцем, мать — из обедневших польских шляхтичей. От них мне досталась только гордость и любовь к танцу. В пятнадцать лет я уехала в Париж, поступила в балетную школу при Гранд-Опера. О, это было время! — Ее глаза загорелись молодым задором. — Я танцевала на лучших сценах мира. Париж, Лондон, Вена... Меня называли второй Тальони. А в девяносто пятом я приехала на гастроли в Петербург. Имперский театр был полон. И в первом ряду сидел он. Григорий Кобылов. Следователь по особо важным делам. Он пришел на балет, чтобы сопровождать какого-то министра, а влюбился в меня.

Она замолчала, глядя куда-то в пространство. Видно было, что воспоминания до сих пор причиняют ей боль.

— Это была любовь с первого взгляда. Безумная, всепоглощающая. Я бросила сцену, осталась в Петербурге. Родила Илью. Мы были счастливы. Григорий был честным человеком. Слишком честным для этого мира. Он не верил в непогрешимость Оракулов. Говорил, что истина не нуждается в магии. И однажды он начал расследование, которое привело его к высшим чинам Ордена. А через месяц его нашли в собственном кабинете с простреленной головой. Оракулы вынесли вердикт: самоубийство.

Илья сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— Они убили его, матушка. Я знаю.

— Конечно убили, — спокойно, даже буднично ответила Эллада Калиоповна. — И Печать Вины поставили бы, да никак. Григорий был мертв, а мертвые не могут быть виноваты. Удобно, правда?

Она повернулась ко мне.

— Вам, наверное, интересно, Кирилл, почему меня не пугает ваша метка? Почему я не кричу и не зову стражу? — Она горько усмехнулась. — Да потому что я знаю цену этим Печатям. Их ставят не виновным. Их ставят тем, кто мешает. Тем, кто знает слишком много. Тем, кто неудобен. Мой муж был неудобен. И вы, я вижу, тоже. Так что верить я привыкла только своим глазам и своему сердцу. А сердце мне подсказывает, что вы ни в чем не виноваты.

Я почувствовал, как к горлу подкатывает ком. В этом мире, полном лжи, магии и продажных чиновников, я встретил человека, который верил в простую человеческую правду.

— Спасибо, — только и смог выдохнуть я.

— А вот насчет него я не уверена. — Эллада Калиоповна перевела лукавый взгляд на Феофана. — Этот старый греховодник выглядит так, будто на его совести не меньше десятка преступлений.

Феофан, который как раз доедал вторую порцию супа, поднял голову и расплылся в довольной улыбке.

— Ваша правда, матушка-барыня. Полностью виновен. И даже более того — горжусь этим. Моя метка стоит на своем месте заслуженно. Я действительно оскорблял Оракулов. Причем публично и в весьма нелицеприятных выражениях.

— И что же вы им сказали? — заинтересовалась Эллада.

— О, это был целый памфлет! — Глаза Феофана заблестели. — Я стоял на Дворцовой площади, аккуратно после того, как они объявили об очередном «чудесном» раскрытии заговора. Вышли эти напыщенные павлины в своих синих мантиях, с жезлами, и давай вещать о том, как они спасли империю. А я, грешным делом, был выпивши. Ну и не сдержался. Крикнул в голос: «Эй вы, ряженные! Ежели вы такие всевидящие, чего ж вы вчерашний дождь не предсказали? Али ваши Оракульские способности только на то и годятся, чтобы невинных людей в тюрьмы сажать да Печати им на лбы лепить?»

Феофан незаметно подмигнул мне. Видимо, решил выдать здесь такую версию событий. Что ж, ему решать...

Эллада Калиоповна рассмеялась. Это был удивительный, переливчатый смех, который мгновенно разрядил обстановку.

— Представляю их лица!

— О, лица у них были — краше в гроб кладут! — подхватил Феофан. — Меня, конечно, скрутили тут же. Суд был коротким. Оскорбление Имперского Ордена Оракулов. Осемь годов. Но знаете, что я вам скажу? Я об этом ни минуты не жалею. Хоть одна живая душа сказала этим магам в лицо то, что думают все.

— Вы смелый человек, Феофан, — серьезно сказала Эллада. — Безрассудный, но смелый.

— А то! — Старик приосанился. — Я, матушка-барыня, в молодости на паровых тягачах работал. Там трусость — первый враг. Чуть замешкался, руку-ногу оторвет, и не заметишь.

Разговор потек дальше. Эллада Калиоповна и Феофан, к моему удивлению, нашли общий язык. Они вспоминали старый Петербург, обсуждали театры, которые старик, оказывается, когда-то посещал, работая монтировщиком сцены, спорили о том, насколько развращены нравы современной публики. Я видел, как Илья расслабился, глядя на мать. Видимо, он давно не слышал ее смеха.

После ужина, когда подали чай с пирогами, Илья тронул меня за плечо.

— Выйдем на террасу? Подышим.

Мы вышли через стеклянную дверь на небольшую террасу, увитую все тем же плющом. С улицы тянуло сыростью и запахом Невы. Где-то вдалеке гудел паровой катер. Я облокотился на перила, глядя на зажигающиеся в домах огни.

— У тебя удивительная мать, — сказал я.

— Я знаю. — Илья встал рядом. — Она справляется как может. Но я вижу, как ей тяжело. После смерти отца она так и не оправилась. А теперь еще я ввязался в это дело...

— Ты же знаешь, что я тебе благодарен, — перебил я. — Без тебя я бы до сих пор гнил на Острове или ждал казни.

— Я делаю свою работу, — упрямо сказал Илья. — И я, как и отец, верю, что истина важнее приказов.

Илья надолго замолчал. Я видел, как в его голове борются преданность империи и растущее понимание того, что эта самая империя прогнила насквозь.

— Сколько у нас времени? — спросил я. — Твой начальник, Турских, прикрыл нас, но Оракулы не могли не заметить, что двое преступников разгуливают на свободе.

— Запрос составлен так, — медленно, словно размышляя вслух, ответил Илья, — что пока он пройдет все инстанции, пока его рассмотрят в канцелярии Ордена, пока назначат проверку... У нас есть минимум две недели. Может, чуть больше. Турских — мастер бюрократических проволочек. Он так составлял бумаги, что их будут пересылать из отдела в отдел до скончания века. Но Оракулы могут надавить лично. Этого я не учел.

— Значит, две недели. — Я заложил руки за спину и покачался с носка на пятку. — За это время мы должны найти настоящего убийцу Аглаи, разобраться со смертью Оплеткина и понять, кто и зачем готовит взрыв на магистрали. Задача для воскресного утра.

— Справимся. — Илья попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Ты же у нас человек из другого мира. Может, у тебя там были какие-то секретные методы сыска?

— Самый секретный метод сыска — это искать не там, где светло, а там, где потерял, — процитировал я старого наставника из Московского уголовного. — И начнем мы завтра с места гибели Оплеткина.

Ночью мне снова приснился сон. Но не простой. Это было воспоминание. Чужое воспоминание, вплавленное в мое сознание, словно осколок стекла в рану.

Я стоял посреди бескрайнего поля. Рожь колосилась, золотая, налитая солнцем. Вдалеке виднелась деревня — несколько десятков изб, церквушка с покосившимся крестом. Что-то внутри меня знало это место. Это была родина Кирилла.

Я увидел мальчика. Худого, вихрастого, с вечно ободранными коленками. Он бежал по тропинке, размахивая самодельным воздушным змеем. Ветер трепал его волосы. Сзади кричала женщина — мать. «Кирюша, не убегай далеко! Обед скоро!» Мальчик обернулся, улыбнулся, сверкнув щербатым ртом, и побежал дальше.

Картина сменилась. Тот же мальчик, но старше. Он сидит в классе, склонившись над тетрадью. Учитель что-то диктует. За окном — серый петербургский дождь. Кирилл пишет старательно, выводя каждую букву. Он лучший ученик. Ему пророчат большое будущее.

Снова смена. Институт. Огромные аудитории, заставленные паровыми моделями. Кирилл с упоением изучает чертежи. Его пальцы испачканы графитом. Он мечтает строить мосты, которые соединят империю в единую сеть. Он верит в прогресс.

Потом я увидел ее. Аглаю. Светловолосая девочка с огромными, как блюдца, голубыми глазами. Она сидела за столом в богато обставленной гостиной, а Кирилл стоял рядом, показывая ей какие-то формулы. «Ну вот, смотрите, Аглая Савельевна, это же просто! Если пар под давлением в три атмосферы подать сюда, то поршень...» Девочка слушала, но смотрела не на чертеж, а на него. В ее глазах светилось обожание. Кирилл этого не замечал. Он был слишком увлечен наукой.

А потом начался кошмар.

Изображение пошло рябью. Словно кто-то наложил поверх старой пленки новую, отснятую на дерьмовой камере. Цвета исказились. Звуки превратились в какофонию. И я увидел ее снова. Аглаю. Она лежала на полу. Глаза были широко открыты, но в них уже не было жизни. А над ней стоял Кирилл. Его руки сжимали ее горло. Я чувствовал, как напрягаются мышцы,

как хрустят хрящи. Я чувствовал, как рвется из груди дикий, животный крик, но не мог издать ни звука. Это был не я! Это не мог быть я! Но это были мои руки.

«Нет!» — хотел закричать я, но голос не слушался.

Рябь. Помехи. Полосы, как на старом телевизоре.

Картинка сменилась. Темный переулок. Газовый фонарь мигает, бросая на мокрую брусчатку дрожащие тени. Кирилл стоит, прижавшись к стене. Напротив него — человек в черном. Лица не видно, только силуэт. Человек говорит. Голос у него странный, шипящий. По-русски, но с сильным акцентом. Что-то восточное.

«Ты знаешь дорогу. Знаешь мосты. Знаешь, где лучше всего... остановить движение. Надолго. Ты же умный инженер. Ты поможешь нам, а мы поможем тебе. Деньги. Много денег. Ты сможешь уехать. Начать новую жизнь. Разве ты не хочешь забыть ее?»

Кирилл колеблется. Я чувствую его страх, его отвращение. Но человек в черном протягивает ему папку. И Кирилл берет ее. Открывает. Там чертежи. Восточный участок Императорской магистрали.

«Где лучше поставить бомбу?» — шипит человек.

Кирилл молчит. Потом достает карандаш и что-то отмечает на чертеже. Его руки дрожат.

Я рванулся вперед. Я хотел увидеть лицо незнакомца. Хотел разглядеть его глаза, запомнить каждую черточку. Я тянулся изо всех сил, преодолевая вязкую, как патока, толщу чужой памяти. Силуэт начал проясняться. Узкие глаза. Тонкие губы. Едва заметный шрам на подбородке...

И тут дикая боль пронзила мою голову. Словно раскаленную спицу воткнули в висок. Я закричал. Пространство сна сжалось, пошло трещинами и лопнуло, как мыльный пузырь.

Я проснулся от собственного крика. Сел на кровати, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле. Рубашка прилипла к телу, мокрая от пота. В дверь уже стучали.

— Кирилл! Кирилл, что случилось? — голос Ильи был встревоженным.

— Все в порядке! — крикнул я, хотя это было далеко не так. — Просто кошмар.

Я встал, подошел к умывальнику и плеснул в лицо ледяной водой. Из зеркала на меня смотрело бледное, осунувшееся лицо Кирилла. Печать Вины на лбу пульсировала тусклым синим светом. Во сне я видел то, что было спрятано глубоко в подсознании моего носителя. Воспоминания, которые кто-то пытался исказить. Но зачем? Чтобы Кирилл поверил в свою вину? Или чтобы никто не докопался до правды?

За завтраком я был рассеян. Эллада Калиоповна заметила мое состояние, но тактично промолчала, лишь пододвинула поближе тарелку с оладьями. Феофан же, наоборот, был бодр и весел. Он прекрасно выспался и сейчас с аппетитом уплетал уже третью порцию.

— Что, Андрюша, кошмары мучают? — спросил он, не переставая жевать. — Это хорошо. Значит, память просыпается. Ты с ней только не борись. Она сама тебе все расскажет, когда время придет.

— Я видел человека, который дал Кириллу чертежи, — ответил я. — Он говорил с акцентом. И у него шрам на подбородке.

Илья замер с чашкой чая в руке.

— Ты сможешь его описать подробнее?

— Попытаюсь, но разглядеть четко не вышло. Как только я приблизился, началась боль. Словно кто-то поставил блок.

— Это Оракулы, — тихо сказал Феофан, и его обычное ехидство куда-то исчезло. — Они умеют не только Печати ставить. Они могут запечатать память. Исказить ее. Сделать из человека послушную куклу, которая сама поверит в свою вину. Если тебе поставили блок, значит, ты подошел слишком близко к тому, чего они не хотят показывать.

— Значит, мы на верном пути, — заключил я.

После завтрака мы втроем отправились в Сыскное управление. Илья провел нас в архив — огромный подвал, заставленный стеллажами с папками. Здесь пахло пылью, старыми бумагами и паровым отоплением. Где-то под потолком гудела труба.

— Дело о гибели Тимофея Оплеткина — Илья вытащил с полки пухлую папку. — Здесь заключение Оракулов, отчеты заводской администрации, показания свидетелей.

Мы устроились за большим деревянным столом. Я начал методично, страницу за страницей, изучать документы. Привычка, выработанная годами службы. Никакой магии. Только факты, даты, цифры.

И уже через полчаса я нашел первую нестыковку.

— Смотри. — Я разложил перед Ильей несколько листов. — Это отчет о техническом состоянии котла за две недели до взрыва. Котел прошел полную проверку. Все швы в норме, давление стабильное. А это — заключение Оракулов. Они пишут, что причиной взрыва стал «дефект сварного шва, возникший вследствие халатности инженера Оплеткина».

— Противоречие? — Илья нахмурился.

— Не просто противоречие. Это подлог. Кто-то изменил данные проверки. Вот, видишь? — Я указал на едва заметные потертости на бумаге. — Номер страницы смазан. И качество чернил отличается. Кто-то вырвал оригинальную страницу и вставил новую.

Илья схватил лупу, поднес к бумаге.

— Ты прав. Чернила свежее. И почерк другой, хоть и похож.

— Идем дальше. — Я перелистнул несколько страниц. — Здесь должны быть чертежи моста через реку Амур и схемы новых паровых котлов, которые разрабатывал Оплеткин. Это секретные разработки. Котлы позволяли поездам развивать скорость до ста пятидесяти верст в час без потери тяги.

Но страницы, на которых должны были быть чертежи, отсутствовали. Кто-то аккуратно вырезал их бритвой.

— Вот оно. — Я откинулся на спинку стула. — Мотив. Оплеткина убили не просто так. Ему нужно было заткнуть рот и украсть его разработки.

— Но кому? — Илья растерянно смотрел на изуродованную папку. — Это же государственная тайна! Такие чертежи охраняются...

— Тем, кто готовит диверсию на Дальневосточной магистрали, — ответил я. — Им нужны были данные о самых уязвимых местах дороги. И о новых котлах, чтобы понять, как быстро Империя сможет перебрасывать войска. Оплеткин отказался сотрудничать. Или узнал что-то лишнее. И его убрали. А Оракулы это покрыли.

— Но зачем всесильному Ордену покрывать убийц и воров? — Илья все еще не хотел верить в очевидное.

— А ты спроси у Феофана, — кивнул я на старика, который с умным видом листал какой-то древний фолиант. — Он лучше знает.

Феофан оторвался от книги.

— Все просто, Илюха. Власть. Деньги. Контроль. Ежели Оракулы сами участвуют в заговоре, то им выгодно, чтобы правда никогда не всплыла. А ежели не участвуют, но боятся скандала, то им проще закрыть глаза и списать все на несчастный случай. В любом случае, правда им — как кость в горле.

— Тогда мы должны увидеть место взрыва своими глазами, — решительно сказал я. — У меня есть одна идея.

Через час мы были на заводе Мительсона. Огромная территория на окраине Петербурга, застроенная цехами из красного кирпича. Из труб валил густой дым. В воздухе стоял запах гари и раскаленного металла. Где-то лязгало железо, шипел пар, гудели паровые молоты.

Илья показал пропуск, и нас пропустили в цех №4, где и произошел взрыв. Котел до сих пор стоял на месте. Вернее, то, что от него осталось. Искореженная гряда металла, похожая

на скелет доисторического чудовища. Вокруг было оцеплено, но рабочие все равно косились на нас с опаской.

Я подошел ближе. Знания Кирилла, дремавшие где-то в глубине моего сознания, начали просыпаться. Я видел этот котел не как следователь, а как инженер. Понимал, как он устроен, как распределяется давление, где находятся самые уязвимые точки.

— Смотрите. — Я указал на рваную дыру в боку котла. — Если бы взрыв произошел из-за избыточного давления, края дыры были бы выгнуты наружу. Это аксиома. Пар, расширяясь, ищет выход и вырывается, выгибая металл. А здесь... — Я провел рукой по зазубренному краю. — Края загнуты внутрь.

Илья присел рядом, рассматривая дыру.

— То есть взрыв был направлен извне?

— Именно. Кто-то заложил заряд снаружи. Небольшой, но очень мощный. Он пробил стенку котла, и пар под давлением совершил разрушения. Это было убийство, Илья. Холодное, спланированное убийство.

Феофан присвистнул.

— Вот тебе и Оракулы, не стали даже следы прятать. Оно и понятно — никто не стал бы в этом разбираться». Они даже не потрудились осмотреть место.

— Или им было приказано не замечать очевидного, — ответил я.

Я подошел к тому месту, где, судя по схеме, стоял Оплеткин в момент взрыва. Закрыв глаза. Попытался вызвать способность, которая помогла мне в тюрьме. «Следы истины». И она откликнулась.

Перед моим мысленным взором пространство начало окрашиваться в разные цвета. Пол цеха покрылся сетью тусклых, размытых линий — следов сотен людей, проходивших здесь. Но одна линия выделялась. Она была яркой, пульсирующей, цвета запекшейся крови. Она начиналась от того места, где стоял я, и тянулась через цех к выходу.

— Туда, — я открыл глаза и указал направление.

Мы двинулись по следу. Он вел нас через лабиринт цехов, мимо огромных паровых прес-сов, мимо чанов с расплавленным металлом, мимо рабочих, которые провожали нас удивленными взглядами. След становился все ярче. Человек, который оставил его, был здесь. Он стоял, смотрел на свою работу, а потом ушел.

Мы вышли в дальний конец цеха, туда, где громоздились штабеля металлических болванок. И тут я увидел его. Человек в черном, который стоял у неприметной двери, ведущей на задний двор. Он обернулся. Наши взгляды встретились. И в следующую секунду он бросился бежать.

— Стоять! Сыскное управление! — крикнул Илья, выхватывая револьвер.

Мы бросились в погоню. Я бежал, перепрыгивая через какие-то трубы и ящики, чувствуя, как адреналин хлещет в кровь. Вот он, убийца Оплеткина! Вот ключ к разгадке!

Но когда мы выскочили в следующий цех, путь нам преградили. Десятка два рабочих, вооруженных арматурой, гаечными ключами и ломami. Они стояли плотной стеной, и вид у них был самый решительный.

— А ну стой, ваше благородие! — рявкнул здоровенный детина в прожженном фартуке. — Дальше хода нет!

— Сыскное управление! — Илья поднял значок. — Именем императора, расступиться!

Рабочие заколебались, но не двинулись с места. И тут из-за их спин вышел человек. Высокий, грузный, в дорогом, но неброском костюме. У него было тяжелое, властное лицо с глубоко посаженными глазами и седеющая борода. Я сразу узнал его. Савелий Авраамович Мительсон. Отец убитой Аглаи. Человек, который мечтал увидеть меня на виселице.

— Не стоит беспокоиться, господа, — произнес он ледяным тоном. — Я сам разберусь с Сыскным управлением. А вы, — он обвел взглядом рабочих, — делайте то, что я приказал.

Рабочие, воодушевленные поддержкой хозяина, двинулись на нас. Я успел заметить, как Илья взмахнул револьвером, но тут же получил удар ломом по руке. Феофан попытался прикрыть меня сбоку, но его просто сгребли в охапку. Я дрался. Ярость, копившаяся во мне все эти дни, вырвалась наружу. Я бил, ломал, уворачивался. Но силы были неравны. Последнее, что я увидел — летящий мне в лицо огромный гаечный ключ. А потом — темнота.

Очнулся я от резкого запаха нашатыря. Голова раскалывалась. Я попытался поднять руку, чтобы дотронуться до виска, и не смог. Мои руки были связаны за спиной грубой веревкой. Я висел, подвешенный за запястья к какой-то трубе под потолком. Ноги едва касались пола.

Рядом, в таком же положении, висели Феофан и Илья. Феофан был в сознании, но молчал, мрачно глядя перед собой. Илья все еще был без чувств. Из рассеченной брови у него сочилась кровь.

Мы находились в огромном помещении, похожем на промышленную печь. Кирпичные стены, закопченный потолок, решетки на полу, под которыми тускло светились угли. Промышленная сушилка для угля. Я читал о таких. Если ее включить, температура здесь поднимется до нескольких сотен градусов. Мы испечемся заживо.

— Очнулся, ублюдок? — раздался голос.

Из тени вышел Савелий Мительсон. Он был без пиджака, в одной рубашке, рукава которой были закатаны по локоть. В руке он держал толстую трость с металлическим набалдашником. Его глаза горели холодной, расчетливой яростью.

— Ты думал, что сможешь избежать правосудия? — он подошел ближе. — Думал, что Оракулы тебя защитят? Что Сыскное управление тебя отмажет? Ты убил мою дочь! Мою единственную дочь, Аглаю! Ты, грязный, ничтожный червь, который возомнил себя человеком!

— Я не убивал ее, — прохрипел я. Говорить было трудно, во рту пересохло.

— Не убивал? — Мительсон расхохотался. Это был страшный, лающий смех. — А кто же тогда? Кто задушил ее, а потом украл бриллиантовое кольцо — фамильную драгоценность, которая передавалась в нашей семье из поколения в поколение? Ты не только убийца, ты еще и вор!

— Я... ничего... не крал, — выдавил я.

Удар тростью пришелся мне по ребрам. Я согнулся, насколько позволяли путы, закашлялся. Боль была адской.

— Врешь! — прошипел Мительсон. — Оракулы видели твою вину. Твоя Печать — лучшее тому доказательство. Но я хочу услышать это от тебя. Где кольцо? Скажи, и я подарю тебе быструю смерть. Не скажешь — ты и твои друзья будете умирать медленно и мучительно. Я включу сушилку на малую мощность. Вы будете жариться несколько часов, пока ваша кожа не начнет лопаться, а кровь — закипать в жилах.

Он ударил снова. На этот раз по ногам. Я стиснул зубы, чтобы не закричать.

— Я не убивал вашу дочь, — повторил я. — И я не брал кольцо. Меня подставили. Вы верите слепцам, которые называют себя всевидящими, но не хотите видеть правду, которая лежит у вас под носом.

— Правду? — Мительсон приблизил свое лицо к моему. От него пахло дорогим табаком и безумием. — Какую правду?

И тут я почувствовал, как внутри меня что-то открывается. Словно шлюз, сдерживавший поток, рухнул. Способность, которая спала с момента моего появления в этом мире, проснулась и шагнула на новый уровень. Я видел не просто «следы лжи». Я мог видеть прошлое. Прошлого того, кто стоял передо мной.

«Взгляд памяти». Так назвала это Система в моей голове.

Я поднял глаза на Мительсона. И мир вокруг меня исчез.

Я увидел его молодым. Одержимым, амбициозным. Он стоит у подножия первой доменной печи, построенной на его заводе. Вокруг бушует пламя, рабочие снуют, как муравьи. Мительсон смотрит на огонь и улыбается. Он знает, что станет королем металла.

Я увидел его жену. Красивую, черноволосую женщину с печальными глазами. Она держит на руках младенца. «Это Аглая, Савелий. Наша дочь. Посмотри, какая она красивая». Мительсон берет ребенка на руки, и в его глазах впервые появляется что-то, кроме жажды наживы. Любовь.

Я увидел, как его жена умирает от чахотки. Как он держит ее за руку в последние минуты. «Береги нашу дочь, Савелий. Обещай мне». «Обещаю», — шепчет он, и слезы текут по его щекам.

Я увидел, как он балует Аглаю. Как покупает ей лучшие игрушки, нанимает лучших учителей. Как выписывает репетитора — молодого инженера Кирилла. Как смотрит на свою дочь, которая расцветает, как редкий цветок, и боится за нее больше всего на свете.

А потом я увидел ее тело. Распростертое на полу. И его крик. Крик, от которого у меня кровь застыла в жилах.

Я вернулся в реальность. Мительсон все еще стоял передо мной, занеся трость для нового удара.

— Вы были на заседании Промышленного совета, когда это случилось, — тихо сказал я. Трость замерла в воздухе.

— Что?

— В тот день, когда убили Аглаю, вы были на заседании Промышленного совета у министра финансов. Вы спорили о пошлинах на чугун. Вы вернулись домой поздно вечером. Вас встретил дворецкий. Он был бледен. Он сказал: «Барин, беда...».

— Откуда... откуда ты знаешь? — Голос Мительсона дрогнул.

— Вы бросились в ее комнату, — продолжал я. — Дверь была открыта. Она лежала на ковре. Вы схватили ее на руки, пытались привести в чувство. Но она была уже мертва. Вы кричали. Вы звали ее по имени. «Аглая! Аглая, открой глаза! Посмотри на папу!»

— Замолчи! — взревел Мительсон. Его лицо исказилось от боли и ужаса.

— Вы не хотели верить, что ее больше нет. Вы сидели с ней до утра. Держали ее за руку и разговаривали. Вы рассказывали ей о том, как впервые взяли ее на руки. Как она сделала первый шаг. Как сказала первое слово. Вы просидели так всю ночь. А наутро пришли Оракулы и сказали, что виновен Кирилл.

Трость выпала из его рук и со стуком покатилась по полу. Савелий Мительсон смотрел на меня с таким выражением, будто увидел призрака.

— Никто... никто не знал этого. Я никому не рассказывал. Даже следователям. Откуда ты...

— Я вижу правду, Савелий Авраамович, — сказал я, глядя ему прямо в глаза. — Настоящую правду. Не ту, которую вам продали Оракулы. Ваша дочь любила Кирилла... меня. Но я не отвечал ей взаимностью. Я был увлечен наукой. И ваша дочь тоже. Только как в этом признаться? В высшем свете это не приветствуется. Мы были близки с ней, но мы были друзьями, единомышленниками.

Мительсон молчал. Его нижняя губа дрожала.

— Аглая была очень талантлива. Пожалуй, даже гениальна. Ее вычисления были точными, остроумными. Она не решала уравнения, она, не знаю, словно музыку писала или стихи в виде формул. В общем, ваша дочь не хотела замуж, она хотела в университет...

— Зачем ты мне это говоришь? — прошептал Мительсон. — Зачем ты мучаешь меня?

— Я не мучаю вас. Я хочу, чтобы вы увидели правду. Я не убивал вашу дочь. Меня подставили. И колъе украл не я. Его взял тот, кто убил Аглаю. Чтобы запутать следы. Я найду

его. Я обещаю вам. Я найду настоящего убийцу и верну вам колъе. Но для этого вы должны отпустить нас.

В сушилке повисла тишина. Слышно было только, как потрескивают угли под решеткой. Мительсон стоял, опустив голову. Его плечи дрожали. Передо мной был не всемогущий магнат, а сломленный горем отец.

— Я хочу верить тебе, — наконец произнес он глухо. — Боже, как я хочу тебе верить. Но Оракулы...

— Оракулы лгут, — твердо сказал я. — Они лгут, чтобы скрыть что-то гораздо более страшное. И смерть вашей дочери — лишь часть этой лжи. Отпустите нас. Дайте мне шанс доказать вам правду.

Мительсон поднял голову. В его глазах больше не было безумия. Только боль и отчаянная, последняя надежда.

— Ты найдешь его? — спросил он. — Ты найдешь того, кто это сделал?

— Клянусь, — ответил я.

Он долго смотрел на меня. Потом резко повернулся и крикнул куда-то в темноту:

— Развязать их!

Из тени появились двое дюжих рабочих. Они подошли ко мне, перерезали веревки. Я рухнул на колени, не в силах устоять на затекших ногах. Рядом застонал приходящий в себя Илья. Феофан кричал, растирая запястья.

— Ты принесешь мне колъе, — сказал Мительсон, возвышаясь надо мной. — И голову убийцы. У тебя есть время до полуночи. Если ты не вернешься, — он перевел взгляд на Илью и Феофана, — они умрут первыми. А потом я найду тебя. И убью собственными руками. Ты понял?

Я с трудом поднялся на ноги.

— Понял. До полуночи.

— Иди. И помни о своем обещании.

Я посмотрел на Илью. Он был бледен, но держался. Феофан едва заметно кивнул мне. Иди, мол. Мы справимся.

Выйдя из сушилки, я миновал цеха, вышел на заводской двор. Холодный ветер ударил в лицо. До полуночи оставалось несколько часов. А у меня не было ни единой зацепки. Кроме странного следа, который привел меня на завод, воспоминаний Кирилла о человеке в черном со шрамом на подбородке и обрывка чертежа в кармане.

Знакомый азарт перед сложным делом захлестнул меня. Я найду его. Чего бы мне это ни стоило. Я распутаю этот клубок лжи, предательства и магии. Я докажу всем — Оракулам, Мительсону, империи, — что истина не нуждается в Печатях. Истина сама пробьет себе дорогу.

Я поправил фуражку, надвинув ее пониже на лоб, и быстрым шагом направился к воротам завода. Время пошло.

Глава 7. Память крови

Время — странная субстанция. В моем мире оно текло линейно, подчиняясь неумолимым законам физики. Здесь, в этом мире пара и магии, оно пульсировало, сжималось и растягивалось, как меха в кузнице. Срок, отпущенный Мительсоном, истекал с каждой секундой, и я чувствовал, как невидимая петля затягивается на шее — не только моей, но и Ильи с Феофаном.

Я вышел за ворота завода, когда сумерки уже окрасили небо в цвет запекшейся крови. За моей спиной остался Мительсон, и два моих товарища, подвешенные, как свиные туши в огромной промышленной сушилке.

«След истины» — так назвал я свою способность, когда она только пробудилась. Сейчас она была моим единственным компасом.

Я закрыл глаза и сосредоточился. Мир вокруг померк, звуки города стихли, и сквозь плотную ткань реальности проступили нити. Они были повсюду — серые, едва заметные, как паутина в углу заброшенного дома. Это были следы обычных людей, их мелкие грешки и проступки. Но среди них пульсировала одна алая нить, густая и маслянистая, словно венозная кровь.

След убийцы. Моя способность сразу выделила нужную нить, чуть подсветив ее.

Я открыл глаза и пошел за ней.

Центральные улицы Петербурга встретили меня огнями газовых фонарей и цокотом копыт по брусчатке. Мимо проплывали экипажи, в которых сидели нарядные дамы и господа. Они спешили в театры, рестораны, на званые вечера. Никто из них не смотрел на человека с Печатью вины на лбу. Я был для них невидимкой, призраком из иного мира.

Алая нить вела меня прочь от центра.

Улицы становились *уже*, фонари попадались все реже. Брусчатка сменилась булыжником, а затем и вовсе утоптанной землей. Запахи изменились: вместо духов и свежей выпечки в ноздри ударила вонь помоев, дешевого табака и немых тел. Я входил в трущобы.

Здесь, на окраине, кипела другая жизнь. В подворотнях шушукались тени, из распахнутых дверей кабаков доносилась пьяная ругань и визгливый смех. Паровые экипажи сюда не заезжали — слишком узки и грязны были проулки. Я шел пешком, стараясь не привлекать внимания, но это было невозможно. Я был в форме Сысского управления, а этом районе это выделяло меня куда лучше Печати вины на лбу.

— Эй, легавый! — окликнул меня хриплый голос из темноты. — Заблудился?

Я не ответил, ускорив шаг.

Алая нить становилась толще. Она пульсировала, вибрировала, как струна, по которой ударили смычком. Я почти физически ощущал исходящую от нее ненависть и страх. Убийца был где-то рядом.

Нить привела меня к трехэтажному зданию с покосившейся вывеской «Веселый приют». Из окон лился желтый свет, гремела музыка — расстроенное пианино и заунывная скрипка. На крыльце, прислонившись к перилам, стояли две девицы в вызывающе ярких платьях. Они курили длинные папиросы и лениво переругивались.

Бордель.

Я толкнул дверь и вошел внутрь.

Волна звуков и запахов ударила в лицо. В зале стоял густой табачный дым, сквозь который едва пробивался свет масляных ламп. За столиками сидели люди — мужчины в рабочих робах, мастеровых куртках, кое-где мелькали военные мундиры. Девицы в полурасстегнутых платьях сидели у них на коленях, хохотали, пили из грязных стаканов. У стойки бара двое мат-

росов выясняли отношения, размахивая кулаками. Бармен — здоровенный детина с бычьей шеей — лениво протирал стакан, не обращая на них внимания.

Я остановился посреди зала и закрыл глаза.

И вот тут меня накрыло.

Следов было слишком много. Десятки, сотни алых, серых, бурых нитей сплетались в чудовищный клубок. Каждый человек в этом заведении был преступником — убийцей, вором, насильником. Их грехи наслаивались друг на друга, переплетались, создавая непроницаемую завесу. Я попытался вычленив нужную нить, но она ускользала, терялась в этом месиве.

— Потерял что-то, баклан?

Голос прозвучал прямо над ухом. Я открыл глаза и увидел перед собой двоих. Типичные бандиты — бритые головы, сломанные носы, тяжелые кулаки. Один из них, тот, что повыше, поигрывал кастетом.

— Тебя Жарень зовет, — сказал он, и его напарник ухмыльнулся, обнажив щербатые зубы.

— Мне некогда, — ответил я, пытаюсь обойти их.

Но они преградили путь.

— Это не просьба, баклан. Пошли.

Выбора не было. Я кивнул и последовал за ними.

Мы поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж, прошли по коридору, устланному протертым ковром. Бандиты остановились перед массивной дубовой дверью и постучали.

— Войдите! — раздался густой бас.

Они распахнули дверь и втолкнули меня внутрь.

Комната была обставлена с претензией на роскошь: красные бархатные портьеры, позолоченные канделябры, огромная кровать с балдахином. Но все это было потертым, засаленным, пропахшим дешевыми духами и потом. В центре комнаты, в массивном кресле, напоминающем трон, сидел человек.

Жарень.

Он был огромен. Не толст, а именно огромен — гора мышц, обтянутая дорогим, но мятым сюртуком. Рыжие волосы были собраны в хвост, в бороде запутались крошки табака. Но самое страшное было в его глазах — маленьких, свиных, смотрящих на меня с холодным любопытством. В руке он держал дымящуюся трубку, и комната была наполнена сладковатым запахом опиума.

— Ступайте, — бросил он моим провожатым, и те мгновенно исчезли за дверью.

Мы остались вдвоем.

— Ну, здравствуй, Меченый, — проговорил Жарень, выпуская клуб дыма. — Знаешь, кто я?

— Догадываюсь, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Жарень. Глава местных... предпринимателей.

Он хохотнул.

— Предпринимателей! Хорошо сказано. Мне нравится. — Он постучал трубкой о подлокотник, выбивая пепел. — А знаешь, что бывает с теми, кто сует нос в мои дела?

— Я не сую нос в твои дела. Я ищу убийцу.

Жарень наклонился вперед. Его глаза сузились.

— Убийцу? И кого же убили?

— Аглаю Мительсон.

Повисла пауза. Жарень замер, не донеся трубку до рта. Его лицо, казалось, окаменело. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем он заговорил снова.

— Аглая, — произнес он, и в его голосе прозвучало что-то, чего я никак не ожидал. Печаль? — Дочь Савелия?

— Да. Ты ее знал?

Жарень откинулся в кресле. Его огромная фигура словно обмякла.

— Знал. Хорошая была девочка. Добрая. — Он замолчал, глядя куда-то в потолок. — Она однажды пришла сюда. Не побоялась. Принесла лекарства для моих девок. Я еще удивился — откуда она вообще узнала, что тут помощь нужна. Оказалось, кто-то из моих ходит в одну церковь с Аглаей. Так та слышала молитву, проследила за моей... гм, работницей, а потом уже явилась сюда лично. У одной из барышень моих, Маньки, чахотка была. Так эта Аглая пришла в «Веселый приют» и лечила шлюху. Бесплатно. — Он покачал головой. — Я тогда еще подумал: святая.

Я молчал, давая ему выговориться.

— Тот, кто убил ее, будет гореть в аду, — проговорил Жарень глухо. — В самом глубоком, самом жарком котле. И если я доберусь до него раньше чертей, он позавидует грешникам.

— Я ищу его, — сказал я. — И мне может понадобится твоя помощь.

— Моя помощь? — Жарень вскинул бровь. — С чего бы мне помогать Меченому? Ты — никто. Отброс. Печать на лбу говорит, что ты виновен.

— Печать лжет. И ты это знаешь.

Он пристально посмотрел на меня. Его маленькие глазки, казалось, буравили меня насквозь.

— Да, — проговорил он наконец. — Знаю. У меня самого есть пара знакомых с такой печатью. Хорошие люди. Но Оракулам было нужно их убрать.

— Так помоги мне. Я ищу человека, который был здесь в ночь убийства. Чужака. Того, кто не принадлежит этому кварталу.

Жарень задумался.

— Здесь каждый день бывают чужаки, — сказал он. — Приходят, уходят. Но ты прав — чужака видно сразу. Он как белая ворона в стае черных.

— И что? Был кто-то такой?

Жарень набил трубку заново, раскурил ее от свечи. Выпустил клуб дыма.

— Нет, — сказал он. — Не было.

— Как не было?

— А вот так. Если бы чужак появился в моем квартале, я бы знал. Мои люди следят за всеми. А в ту ночь... — Он снова замолчал, вспоминая. — В ту ночь все было как обычно. Пьяные драки, девочки работали, пара карточных игр. Никаких чужаков.

— Может быть, он прятался?

Жарень усмехнулся.

— Прятаться в моем квартале — все равно что прятаться в стеклянном доме. Нет, Меченый. Если тут и был чужак, то он был невидимкой. Или...

— Или что?

— Или он не был чужаком. Или он был настолько своим, что никто не обратил на него внимания.

Я почувствовал, как земля уходит из-под ног. Нить, которая привела меня сюда, оборвалась. Убийца исчез, растворился в этом зловонном месте, как капля яда в бочке вина.

— Спасибо, — сказал я, поворачиваясь к двери.

— Постой, — остановил меня Жарень. — Ты ведь следователь, верно?

Я замер.

— С чего ты взял?

— У тебя взгляд ищейки, — усмехнулся он. — Я таких повидал. Цепкий, холодный. Ты смотришь на человека и видишь его насквозь. И еще — ты не боишься. А Меченые обычно боятся. — Он затянулся трубкой. — Найди его, следователь. Найди того, кто убил Аглаю. И когда найдешь...

— Что тогда?

— Тогда дай мне знать. Я хочу посмотреть ему в глаза перед тем, как он отправится в ад. Я кивнул и вышел.

Улица встретила меня холодным ветром и тишиной. Я стоял на крыльце «Веселого приюта» и смотрел в ночное небо. Звезд не было видно — их скрывали тучи и дым бесчисленных заводских труб. Нить, которая вела меня, оборвалась. Способность, на которую я так надеялся, оказалась бесполезной.

Я сжал кулаки.

— Соберись, Волков, — прошептал я себе. — Ты следователь. Ты не способностями должен работать, а головой.

Я закрыл глаза и начал восстанавливать в памяти все, что знал о деле. Убийство произошло в доме Мительсонов. Аглая была задушена в своей комнате. Пропало фамильное кольцо. В материалах дела, которые я просматривал в участке, был указан адрес: Литейный проспект, дом 17.

Место преступления.

Я должен был побывать там.

До Литейного проспекта я добрался за полчаса. Это был район особняков — здесь жили промышленники, банкиры, высшие чиновники. Дом Мительсона выделялся даже среди них: трехэтажный особняк в стиле модерн, с башенками, эркерами и коваными решетками на окнах. Ворота были заперты, но меня это не остановило.

Я обошел особняк с тыла, нашел водосточную трубу и, цепляясь за выступы, полез вверх. Тело Кирилла было молодым и сильным, но мышцы еще помнили движения, которые я им приказывал. Через минуту я уже стоял на балконе второго этажа.

Стеклянная дверь была заперта, но замок оказался простым. Я справился с ним с помощью перочинного ножа, который всегда носил с собой — привычка, оставшаяся с прошлой жизни. Дверь бесшумно отворилась, и я шагнул внутрь.

Комната Аглаи.

Здесь было темно и тихо. Пахло пылью и застоявшимся воздухом — видимо, помещение не проветривали с того самого дня. Я зажег спичку и осмотрелся.

Комната была необычной для четырнадцатилетней девушки. Вместо кукол и безделушек — книжные полки, заставленные томами. Вместо вышивок и акварелей — чертежи на стенах. Я подошел ближе, поднес спичку к одной из полок.

«Основы паровой механики», «Теория железнодорожных мостов», «Химия металлов». Я брал книгу за книгой, и с каждой меня охватывало все большее изумление. Это была библиотека инженера, а не девочки-подростка.

На столе лежали чертежи. Я склонился над ними, и спичка в моих пальцах догорела до конца, обжигая кожу. Я выругался и зажег новую.

Чертежи паровозов. Проекты железных дорог. Расчеты давления пара в котлах. И все это было выполнено аккуратным, почти каллиграфическим почерком — почерком Аглаи.

И тут случилось то, чего я не ожидал.

Память Кирилла — настоящая память, а не та фальшивка, что мне пытались подsunуть, — прорвалась в мое сознание.

Я увидел эту комнату, залитую солнечным светом. За столом сидела девочка — худенькая, с растрепанными темными волосами и серьезными глазами. Она что-то чертила, высунув кончик языка от усердия. Рядом с ней сидел Кирилл — молодой, полный энтузиазма, еще не сломленный тюрьмой и подозрениями.

— Смотри, — говорила Аглая, показывая ему чертеж. — Если мы увеличим диаметр поршня на пару миллиметров, мощность возрастет на две и три десятых процента. Но тогда потребуется усилить крепления котла...

— Ты гений, Аглая! — отвечал Кирилл с улыбкой. — И как я сам-то не подумал об этом?

— Просто мне это интересно, — пожимала она плечами. — Отец говорит, что это не женское дело. Что мне нужно думать о балах и женихах. Но мне скучно на балах, Кирилл. Там все такие глупые...

— Твой отец просто не понимает, какое сокровище у него есть.

— Он поймет. Когда-нибудь. Когда я построю свой собственный завод...

Видение померкло, сменилось другим. Кирилл и Аглая спорили о конструкции моста через какую-то реку. Потом — еще одно: они вместе сидели в библиотеке, и Аглая объясняла ему принцип работы нового парового котла.

Я видел их отношения. Это была не любовь — во всяком случае, не романтическая. Это была дружба двух родственных душ. Кирилл относился к Аглае как к младшей сестре, как к ученице, которая вскоре превзошла учителя. А она... она просто была счастлива, что нашла человека, который понимает ее.

А потом видение изменилось.

Я почувствовал это сразу — картинка стала дерганой, цвета — неестественно яркими, а по краям поплыли помехи, как в испорченной киноплёнке. Фальшивка. Та самая, которую мне пытались внушить.

В этом воспоминании Кирилл стоял на коленях перед Аглаей. В руках он держал кольцо — дешевое, медное, с фальшивым камнем. Его лицо было искажено странной смесью мольбы и ярости.

— Выходи за меня, Аглая! — говорил он сдавленным голосом. — Я люблю тебя! Я не могу без тебя!

Аглая смотрела на него с насмешкой. Ее лицо было жестоким, надменным — совсем не таким, как в настоящих воспоминаниях.

— Ты? — говорила она ледяным тоном. — Ты — никто. Простой инженер. А я — дочь Мительсона. Ты недостойн даже целовать мои туфли.

Кирилл в ярости вскакивал. Его руки тянулись к ее горлу. Аглая пыталась кричать, но пальцы сжимались все сильнее...

— Ложь! — закричал я, и видение разлетелось вдребезги.

Я стоял посреди темной комнаты, тяжело дыша. Спичка давно погасла, и меня окружала крошечная тьма. Но в этой тьме я слышал дыхание — не свое. Чужое.

Я резко обернулся.

Темная фигура метнулась ко мне из угла комнаты. Лезвие ножа сверкнуло в свете, пробивавшемся сквозь щель в шторах. Я уклонился — лезвие просвистело в миллиметре от моего горла и вонзилось в книжный шкаф.

Противник вырвал нож и снова бросился в атаку. Я схватил со стола толстый том и швырнул ему в лицо. Книга попала точно в руку, нож со звоном упал на пол. Но противник не остановился — он набросился на меня, сбил с ног, и мы покатались по полу.

Человек был силен. Очень. Его руки сомкнулись на моем горле, и я почувствовал, как мир начинает меркнуть. Пальцы нащупали что-то холодное — нож, тот самый, что выпал у нападавшего.

Я сжал рукоять и ударил.

Острые вошло в грудь противника. Он захрипел, хватка ослабла. Я оттолкнул его и вскочил на ноги. Противник пошатнулся, сделал шаг назад — и проломил спиной оконную раму.

Бросившись вперед, я попытался удержать его, но пальцы ухватили только ткань балахона. Ткань затрещала, и в моей руке остался клочок материи. А вместе с ним — что-то тяжелое, холодное, звякнувшее.

Противник выпал из окна.

Я подбежал к проему, глянул вниз и обмер.

На мостовой никого не было. Только осколки стекла и капли крови на булыжнике. Но тела не было. Убийца исчез, словно растворился в ночи.

Пальцы разжались, и я посмотрел на то, что сорвал с его груди.

Колье. Вот это удача...

Фамильная драгоценность Мительсонов. Тяжелое золото, крупные изумруды, тонкая работа. В лунном свете камни мерцали зеленым огнем, словно глаза хищного зверя.

Я сжал кольцо в кулаке и привалился спиной к стене. Сердце колотилось как бешеное. В горле саднило от удушья. Но в голове билась только одна мысль: «Я опоздал. Я упустил его».

Нет. Не совсем.

Я посмотрел на клочок ткани, оставшийся в руке. Грубая черная материя, пропитанная чем-то маслянистым. Я поднес ее к лицу, вдохнул запах. Машинное масло. Пар. Железная дорога.

И кровь. Кровь убийцы, которую я пролил.

Я улыбнулся. Теперь у меня было две нити: кольцо и кровь. И я знал, куда они ведут.

В кабинет Мительсона я вернулся, когда часы на каминной полке показывали без четверти двенадцать. Заводской гудок только что отзвучал, возвещая конец ночной смены, и в коридорах еще слышались шаги рабочих.

Я распахнул дверь.

Савелий Мительсон сидел в том же кресле, что и несколько часов назад. Казалось, он даже не пошевелился. Его лицо было серым, как пепел в камине. Напротив него, на стульях с высокими спинками, сидели Илья и Феофан. Двое охранников с револьверами стояли у них за спинами.

При моем появлении все взгляды устремились ко мне.

— Ты вернулся, — произнес Мительсон. Голос его был глухим, лишенным эмоций. — Я думал, ты сбежал.

— Я не бегаяю, — ответил я, подходя к столу. — Я выполняю свою работу.

Я разжал кулак и положил на стол кольцо.

Зеленые изумруды засверкали в свете масляных ламп. Мительсон вздрогнул, словно от удара током. Его рука потянулась к драгоценности, но замерла на полпути.

— Это... оно, — прошептал он. — Колье моей жены. Оно пропало в тот день, когда...

— Когда убили вашу дочь. Я знаю.

Мужчина взял кольцо в руки. Его пальцы, грубые, покрытые шрамами от ожогов, дрожали, словно у паралитика. Он поднес драгоценность к лицу, взгляделся в камни, и я увидел, как по его щекам потекли слезы.

— Где ты его взял? — спросил он, не поднимая глаз.

— Сорвал с шеи убийцы.

Мительсон вскинул голову.

— Ты видел его?

— Видел. Но не смог задержать. Он выпрыгнул из окна и исчез.

— Исчез? Как он мог исчезнуть?

— Этого я пока не знаю.

Он закрыл лицо руками. Его плечи затряслись.

Я стоял молча, давая ему выплакаться. Илья и Феофан смотрели на меня с облегчением. Охранники, почувствовав перемену в настроении хозяина, опустили револьверы.

Прошло несколько минут, прежде чем Мительсон взял себя в руки. Он вытер лицо платком, распрямил плечи и посмотрел на меня уже по-другому — не с ненавистью, а с надеждой.

— Ты найдешь его? — спросил он.

— Найду.

— Тогда иди. — Он махнул рукой охранникам. — Отпустите их. Всех.

Илья и Феофан поднялись со стульев, разминая затекшие конечности. Феофан, проходя мимо меня, хлопнул по плечу.

— А ты, парень, не так прост, как кажешься, — сказал он с усмешкой.

— Я и сам не знал насколько, — ответил я.

Мы вышли из кабинета. За дверью нас встретил гул завода — огромный организм продолжал жить своей жизнью, не подозревая о драме, разыгравшейся в кабинете его хозяина.

Дом Кобыловых встретил нас запахом свежей выпечки. Эллада Калиоповна, несмотря на поздний час, не спала. Она сидела в гостиной с книгой и, увидев нас, тут же вскочила.

— Живы! — воскликнула она, бросаясь к Илье. — Я так волновалась! Что случилось? Где вы были?

— Долгая история, мама, — ответил Илья, обнимая ее. — Очень долгая. Но все закончилось хорошо.

— Ничего не закончилось, — возразил я. — Все только начинается.

Я прошел в гостиную и опустился в кресло. Усталость навалилась свинцовой плитой. События этого дня — допрос у Мительсона, погоня за убийцей, драка в комнате Аглаи — вымотали меня до предела. Но расслабляться было нельзя.

Эллада Калиоповна принесла чай и бутерброды. Я жевал механически, не чувствуя вкуса, и думал.

— Расскажи, что произошло, — попросил Илья.

Я рассказал. О Жарене, о борделе, о комнате Аглаи, о драке и о колье. Когда я закончил, в гостиной повисла тишина.

— Значит, убийца — не чужак, — задумчиво проговорил Феофан. — Он свой. Из тех, кто бывает в том квартале регулярно.

— И он связан с железной дорогой, — добавил Илья. — Запах машинного масла, пара... Это не случайно.

— Верно, — кивнул я. — И еще одно. Воспоминания Кирилла... настоящие воспоминания... они прорываются ко мне. Я видел, как они с Аглаей работали вместе. Она была гениальным инженером. В четырнадцать лет она могла спроектировать паровоз.

— Это многое объясняет, — сказал Илья. — Ее похищение, убийство... Возможно, это связано не с ней самой, а с ее знаниями. Или с тем, к чему она имела доступ.

— Чертежи, — вспомнил я. — В ее комнате были чертежи. И в деле Оплеткина фигурировали украденные разработки. Это звенья одной цепи.

Разговор прервал стук в дверь. Эллада Калиоповна пошла открывать и через минуту вернулась в сопровождении человека, которого я никак не ожидал увидеть здесь в такой час.

Борис Людвигович Турских, начальник Сысского управления, стоял в дверях гостиной. Его лицо было мрачнее тучи.

— Прошу прощения за поздний визит, — проговорил он, снимая пальто. — Но дело не терпит отлагательств.

— Что случилось? — спросил Илья, поднимаясь.

Турских прошел к столу, налил себе чаю, выпил залпом, словно это была вода, и только потом заговорил:

— Завтра начинается война.

Я замер. Война? Но как? Русско-японская война началась в феврале 1904 года. Сейчас, если я правильно понял, было лето 1903. До войны оставалось еще полгода.

— С Японией? — спросил я.

Турских удивленно вскинул бровь.

— Откуда вы знаете? Да, с Японией. Сегодня ночью император подписал манифест. Завтра утром он будет оглашен.

— Этого не может быть, — пробормотал я. — Еще слишком рано...

— Что значит «слишком рано»? — переспросил Турских. — Орден Оракулов давит на Николая уже несколько месяцев. Император слаб, суеверен, он боится их. А они твердят ему, что маленькая победоносная война отвлечет народ от внутренних проблем, поднимет патриотический дух, укрепит трон.

— Это безумие, — сказал я. — Никакой победоносной войны не будет. Грядет катастрофа.

Турских пристально всмотрелся в меня.

— Вы слишком много знаете для простого инженера, Волков. Или как вас там... Кирилл. Впрочем, я пришел не за этим. — Он достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги. — Вот списки частей, которые отправятся на фронт в первую очередь.

Я взял лист, развернул. Список был длинным — десятки полков, батальонов, дивизий. Но меня поразило не это. Меня поразили пометки напротив каждого названия.

— «Низкая лояльность», — прочитал я вслух. — «Подозрение в симпатиях к оппозиции», «командир критиковал Оракулов», «отказ от присяги Ордену». Что это значит?

— Это значит, — медленно проговорил Турских, — что Орден намеренно отправляет на фронт наименее лояльные части. Они хотят избавиться от неблагонадежных солдат и офицеров. Оставить в столице только тех, кто верен им, а не императору.

— Они ослабляют армию перед войной? — ужаснулся Илья. — Это же...

— Государственная измена, — закончил Турских. — Именно так. И это еще не все. — Он помолчал, собираясь с мыслями. — Я видел документы по снабжению. Точнее, по его отсутствию. Части, которые отправляются на фронт, получают устаревшее вооружение, недостаточное количество боеприпасов, плохое обмундирование. Их отправляют на убой.

Я смотрел на список и чувствовал, как внутри закипает ярость. Тысячи, десятки тысяч жизней. Русские солдаты, которые погибли под Порт-Артуром, под Мукденом, в Цусимском проливе. И все это — ради укрепления власти Ордена?

— Мы должны остановить это, — сказал я.

— Как? — Турских горько усмехнулся. — Манифест уже подписан. Война начнется завтра. Мы не можем предотвратить ее.

— Но мы можем раскрыть заговор. Доказать, что Орден действует против интересов империи. Что они намеренно губят армию и флот.

— Каким образом?

Я вспомнил обрывок чертежа, который передала мне Елизавета.

— Стрелка 1917, — произнес я. — Это ключ. Там что-то спрятано. Что-то, связанное с диверсией на магистрали. И это как-то связано с убийством Аглаи, с кражей чертежей, с заговором внутри Ордена.

— Вы хотите отправиться туда? — спросил Турских.

— Да. Завтра же. У нас нет времени ждать.

— Я дам вам людей. Лучших агентов Сыскального управления.

— Нет. — Я покачал головой. — Мы пойдем вдвоем: я, Илья и Феофан. Чем меньше людей знает, тем лучше. Если в Ордене есть предатель, который хочет развязать войну, он наверняка следит за управлением.

Турских задумался, потом кивнул.

— Хорошо. Но будьте осторожны. Если с вами что-то случится, мы уже никогда не узнаем правду.

— Я знаю, — ответил я.

Мы еще некоторое время обсуждали детали: маршрут, снаряжение, легенду для поездки. Потом Турских ушел, а мы разошлись по комнатам. Эллада Калиоповна постелила мне в кабинете мужа — небольшой комнате, заставленной книжными шкафами и папками с делами.

Я лег на диван, но сон не шел. Перед глазами стояли картины сегодняшнего дня: лицо Мительсона, плачущего над колье; алая нить, ведущая в «Веселый приют»; темная фигура, выпадающая из окна.

И еще — Аглая. Девочка с серьезными глазами, склонившаяся над чертежами. Я не знал ее при жизни, но теперь чувствовал странную связь с ней. Связь через Кирилла, через его воспоминания, которые все глубже проникали в мое сознание.

Эта мысль заставила меня похолодеть.

Воспоминания Кирилла. Они становились все ярче, все реальнее. Сначала это были отдельные образы. Потом — целые сцены. А сегодня... сегодня я чувствовал его эмоции. Его гордость за Аглаю. Его нежность к ней. Его боль от утраты.

Что, если сознание Кирилла не умерло? Что, если оно все еще здесь, в этом теле, и постепенно вытесняет меня?

Я сел на диване, обхватив голову руками. Печать на лбу запульсировала — тупая, ноющая боль, которая напоминала о себе каждый раз, когда я слишком много думал о прошлом носителя.

«Я не убивал...» — прозвучал в голове слабый, едва слышный голос. Голос Кирилла. Его последняя мысль перед тем, как мое сознание заняло его тело.

— Я знаю, — прошептал я. — Знаю, что не убивал. И я найду того, кто это сделал. Обещаю.

Голос затих. Печать перестала пульсировать. Но тревога осталась.

Я лег обратно и закрыл глаза. Завтра будет тяжелый день. Нужно было отдохнуть.

Мне приснился сон.

Я стоял на железнодорожной станции. Вокруг клубился пар — густой, горячий, обжигающий. Сквозь него проступали очертания паровоза — огромного, черного, с горящими красными глазами-фарами. Паровоз дышал, как живой, и его дыхание было ритмичным, тяжелым, похожим на удары гигантского сердца.

Я знал этот паровоз. Я помнил его. Это был проект Кирилла и Аглаи — тот самый, над которым они работали вместе. Улучшенная паровая машина, способная развивать невиданную скорость.

Но сейчас паровоз был искажен. Его детали были искривлены, словно в кривом зеркале. Из труб вырывался не пар, а черный дым. А на месте машиниста сидел человек в черном балахоне.

Он повернулся ко мне, и я увидел его лицо.

Вернее, отсутствие лица. Под капюшоном была пустота. Только два синих огонька, горящих на месте глаз.

— Ты опоздал, — произнес он голосом, от которого кровь стыла в жилах. — Поезд уже ушел. Война началась. И ты не сможешь ее остановить.

— Смогу, — ответил я, хотя голос мой дрожал. — Я остановлю тебя. Кем бы ты ни был.

— Ты даже не знаешь, кто я. — Он рассмеялся, и смех этот был похож на скрежет металла. — Ты не знаешь, кто ты сам. Ты думаешь, что ты Андрей Волков? Следовательно из другого мира? Ты — лишь тень. Отголосок. Ты — то, что осталось от Кирилла, когда его сознание было разрушено Печатью.

— Это ложь!

— Правда, — прошептал он. — И ты скоро в этом убедишься. Когда память Кирилла поглотит тебя. Когда ты перестанешь быть собой и станешь им. Когда ты забудешь свою прошлую жизнь и примешь его судьбу.

Я хотел ответить, но слова застряли в горле. Паровоз взревел, выпустив клуб черного дыма, и понесся прямо на меня. Я закричал...

...и проснулся.

За окном брезжил рассвет. Я лежал на диване, мокрый от пота, и пытался отдышаться. Сон. Всего лишь сон. Но такой реальный, такой пугающий.

Я сел, свесив ноги с дивана. Голова гудела. Печать на лбу саднила. Во рту стоял металлический привкус.

В дверь постучали.

— Кирилл? — раздался голос Ильи. — Ты уже встал? У нас гости.

— Кто?

— Императорская гвардия.

Я вскочил с дивана. Сердце заколотилось. Императорская гвардия? Здесь? За мной?

Я быстро оделся и вышел в гостиную. Там, у дверей, стояли двое гвардейцев в парадных мундирах. Высокие, плечистые, с каменными лицами. У каждого на поясе висел палаш, а на груди сиял золотой орел — символ императорской гвардии.

— Кирилл Волков? — произнес один из них. — Вы проследуете с нами.

— Куда? Зачем?

— На высочайшую аудиенцию.

Я переглянулся с Ильей. Тот пожал плечами — он знал не больше моего.

— Хорошо, — сказал я. — Дайте мне минуту.

Я вернулся в кабинет, проверил, на месте ли нож, который я забрал у убийцы. Потом вышел к гвардейцам.

— Я готов.

Они вывели меня из дома. У крыльца стоял паровой автомобиль — роскошная машина с блестящими медными деталями и кожаными сиденьями. Гвардейцы усадили меня на заднее сиденье, сами сели спереди, и автомобиль тронулся.

Мы ехали по утреннему Петербургу. Город только просыпался — дворники подметали мостовые, булочники выставляли в витрины свежий хлеб, разносчики газет выкрикивали заголовки. Я прислушался.

— Война! — кричал мальчишка-газетчик. — Манифест императора! Война с Японией! Победоносная война!

Значит, Турских не ошибся. Война действительно началась.

Но аудиенция у императора? Это было неожиданно. Я ожидал, что меня повезут в Зимний дворец, но автомобиль неожиданно свернул в узкий переулок и остановился у неприметного двухэтажного дома.

— Выходите, — приказал гвардеец.

Я вышел. Дом был ничем не примечателен — серый фасад, задернутые шторы на окнах, облупившаяся краска на двери. Гвардейцы провели меня внутрь, вверх по лестнице, и остановились перед дверью в дальнем конце коридора.

— Входите. Вас ждут.

Я толкнул дверь и вошел.

Комната была погружена в полумрак. Тяжелые темные шторы закрывали окна. Единственным источником света была масляная лампа на столе. В центре комнаты стояло кресло с высокой спинкой, повернутое ко мне боком. В кресле сидел человек.

— Здравствуйте, господин Лозовой, — произнес он. Голос был спокойным, глубоким, с легким акцентом, который я не мог определить. — Или мне называть вас Андреем? Ведь это ваше настоящее имя, не так ли?

Я замер.

— Кто вы?

Человек в кресле повернулся. Лампа осветила его лицо — бледное, аскетичное, с высокими скулами и пронзительными глазами. Глазами, в которых я увидел вертикальные зрачки. Оракул.

— Меня зовут Карл Майерс, — произнес он. — Я глава Ордена Оракулов. И у меня к вам деловое предложение.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.